

ПЕРВЫЙ

Новая история Гагарина
и космической гонки

СТИВЕН УОКЕР

Стивен Уокер

**Первый: Новая история
Гагарина и космической гонки**

«Альпина Диджитал»

2021

УДК 629.78-057
ББК 39.68(2Рос)

Уокер С.

Первый: Новая история Гагарина и космической гонки /
С. Уокер — «Альпина Диджитал», 2021

ISBN 978-5-00139-664-2

Гонка двух супердержав за первенство в области пилотируемых полетов в космос была столь драматичной, что посвятивший ей книгу Стивен Уокер считает нужным заверить читателя: всё это не выдумки. И правда, за удивительным, захватывающим сюжетом стоит многолетняя работа в архивах, личные встречи с участниками событий, сотни часов интервью со специалистами, занимавшимися подготовкой первых космических полетов как в СССР, так и в США, беседы с российскими и американскими космонавтами. Хотя центральное место в повествовании занимает личность Юрия Гагарина, Уокер проводит параллели между ним и Аланом Шепардом, двумя кандидатами на первый полет в космос, а также между Сергеем Павловичем Королевым и Вернером фон Брауном, создателями ракет. Кажется, мы знаем о Гагарине всё. Но раскрытые в этой книге секреты, хранившиеся десятилетиями, и свидетельства очевидцев, которые никогда не давали интервью, позволяют добавить красок к портрету самого известного в мире русского.

УДК 629.78-057

ББК 39.68(2Рос)

ISBN 978-5-00139-664-2

© Уокер С., 2021

© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Предисловие к русскому изданию	9
От автора	10
Пролог	11
Действие I	14
1	14
2	20
3	26
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Стивен Уокер

Первый: Новая история Гагарина и космической гонки

Переводчик: *Наталья Лисова*

Научный редактор: *Игорь Лисов*

Редактор: *Вячеслав Ионов*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*

Ассистент редакции: *Мария Короченская*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Ольга Петрова, Лариса Татнинова*

Верстка: *Андрей Фоминов*

Фото Юрия Гагарина на обложке: *РИА Новости*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Stephen Walker 2021

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

ПЕРВЫЙ

Новая история Гагарина
и космической гонки

СТИВЕН УОКЕР

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА, 2024

*Посвящается моей дочери Китти,
радости и свету жизни*

Предисловие к русскому изданию

Уважаемые читатели, вы держите в руках единственное в своем роде исследование, посвященное космической гонке СССР и США. Предвижу возражения, ведь подобных книг с 1960-х годов написано огромное количество и вряд ли британский автор может рассказать новое об истории, которая занимала ученых, писателей, режиссеров и просто энтузиастов космической отрасли многие десятилетия. Тем не менее исследование Стивена Уокера по-настоящему уникально. Его многолетняя работа в российских архивах, в том числе ведомственных, тесное сотрудничество с Федеральным космическим агентством «Роскосмос» и корпорацией «Энергия», сотни часов интервью со специалистами из самых разных областей, занимавшихся подготовкой первых космических полетов как в СССР, так и в США, беседы с российскими и американскими космонавтами, многие из которых уже ушли из жизни, делают книгу не просто собранием фактов, а детальным и одновременно захватывающим обзором одного из решающих этапов холодной войны. Исключительный энтузиазм автора, в процессе сбора материала преодолевшего препятствия, сравнимые с теми, которые выпали на долю первых покорителей космоса, его внимание как к техническим деталям (он ведь профессионал и сам долгие годы пилотировал самолеты), так и к человеческим судьбам, мечтам и устремлениям инженеров, конструкторов, медиков, пилотов соединяются в стройное и страстное повествование о том, что мы теперь называем зарей космической эры. Вы сможете познакомиться с впечатляющим массивом не публиковавшихся ранее документов и высказываниями тех, кто не просто присутствовал при описываемых событиях, а был их активным участником.

Мы впервые встретились с автором больше десятилетия назад на открытии памятника моему отцу в Гринвичской обсерватории, и уже первые минуты разговора не оставили никаких сомнений в том, что Стивен будет верен своему замыслу и представит свой взгляд на события начала 1960-х годов, несмотря ни на какие сложности. Правда, тогда речь шла о съемках документального фильма, но проект с течением времени приобрел внушительные масштабы и превратился в книгу, от которой, начав читать, невозможно оторваться. Кто знает, может быть, эта книга в итоге ляжет в основу фильма или захватывающего сериала, а пока желаю вам приятного и увлекательного чтения. Мечты о космосе уже давно перестали быть мечтами, но всегда интересно узнать, с чего все начиналось!

Елена Гагарина

От автора

Гонка сверхдержав за первенство в области пилотируемых полетов в космос была очень драматичной, полной захватывающих событий и ярких личностей по обе стороны железного занавеса. Драматизма было так много, что история, рассказанная ниже, может показаться выдумкой, но это совершенно не так. Я старался тщательно отбирать и проверять факты из многочисленных письменных, визуальных и устных источников, перечисленных в примечаниях в конце книги, чтобы представить предельно точное изложение событий. Даже в диалогах реплики не выдуманы. Ошибки, конечно, неизбежны, и все они на моей совести. Однако я надеюсь показать читателям, что иногда реальность затмевает выдумку, и эта история о первом выходе человечества за пределы Земли именно такова.

Я старался не приводить одновременно американские и метрические единицы измерения, поскольку это загромождает текст и мешает уловить мысль. Мой принцип, боюсь, правда, выдержанный не везде, – использовать американские меры, когда действие происходит в США, и метрические, когда в СССР. Расстояние между, скажем, Нью-Йорком и мысом Канаверал, выраженное в километрах, режет мне глаз, так же как и расстояние между Москвой и Гжатском в милях.

Временами я пишу «русский», имея на самом деле в виду «советский», – на Западе в то время это было обычной практикой. Мне кажется, так точнее передается конкретное ощущение или дух. Кроме того, я опускаю русские отчества за исключением тех случаев, когда они необходимы для дополнительной выразительности (например, Юрий *Алексеевич* Гагарин).

Пролог

За 15 минут до старта

12 апреля 1961 года, 8:52

Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство.

Константин Циолковский, русский ученый и провидец, 1911 год¹

Контроль над космосом означает контроль над миром.
Сенатор Линдон Джонсон, 1958 год²

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА

Научно-исследовательский испытательный полигон № 5 (НИИП-5)

Космодром Тюратам, Казахская Советская Социалистическая Республика

В казахской степи рассвет наступает быстро, но на пространстве от горизонта до горизонта нет почти никого, кто мог бы стать этому свидетелем. Сочетание иссушающе-жаркого лета и долгой морозной зимы сделало этот регион одним из самых малонаселенных на нашей планете, землей пустоты и безмолвия. Обитают здесь одни дикие лошади, верблюды, ядовитые пауки и скорпионы.

Или почти одни.

Эту полупустыню, где в состоянии расти лишь полынь и перекасти-поле, надвое делит железнодорожная линия Москва – Ташкент протяженностью почти 3000 км. Через двое суток после отъезда из советской столицы поезд ненадолго останавливается на станции Тюратам. Согласно легенде, в XVII веке именно здесь из грязно-коричневых вод Сырдарьи было выловлено тело одного из потомков Чингисхана, погибшего в сражении. До 1955 года здесь жил только начальник станции с семьей да по степи кочевало несколько казахских семей, для которых это место было священным. Но к 1961 году, всего за шесть лет, все изменилось. Участок земли, по размеру примерно вчетверо превышавший Большой Лондон, был реквизирован министерством обороны для самого дерзкого, самого дорогостоящего и самого секретного проекта в СССР. Там, где прежде ничего не было, появился новый поселок под названием Ленинский – место жительства инженеров, военных, строителей и их семей. Вдоль его улиц встали новые жилые дома, административные здания, школы и казармы. В 30 км к северу расположились новые здания монтажно-испытательных корпусов, появилась и стремительно расширилась сеть автомобильных и железных дорог, выросли опоры ЛЭП, измерительные станции, бункеры управления и, наконец, четыре гигантские пусковые установки. Кочевников в этих местах больше не было. Здесь, в глуши, как можно дальше от любопытных глаз, теперь запускали ракеты.

Вот одна из них стоит, поблескивая и издавая шипение, в то время как солнце потихоньку выглядывает из-за горизонта. Она имеет кодовое обозначение Р-7 и является крупнейшей в мире – это один из самых секретных образцов оружия в СССР. Самолет-шпион, пытавшийся по заданию ЦРУ в мае 1960 года сфотографировать пусковую установку, сбили, его пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс остался в живых, был осужден за шпионаж и приговорен к 10 годам

¹ Письмо К. Э. Циолковского от 12 августа 1911 года Б. Н. Воробьеву, редактору журнала «Вестник воздухоплавания» // Архив РАН. Ф. 1528. Д. 173. Л. 3.

² Выступление сенатора Линдона Джонсона на совещании руководства Демократической партии 7 января 1958 года // Logsdon, John F. *Kennedy and the Race to the Moon*, p. 30.

заклучения в советской тюрьме. Р-7 возвышается над степью более чем на 38 м³ и почти втрое превосходит по возможностям самую большую ракету Америки. Она способна перенести термоядерный заряд, мощность которого эквивалентна 200 бомбам, сброшенным на Хиросиму⁴, на четверть земной окружности, то есть с места старта до Нью-Йорка.

Но сегодня Р-7 направлена не на Нью-Йорк, да и боеголовки она не несет. Цель запуска другая. В 9:07 по московскому времени в пяти мощных двигателях ее первой ступени и центрального блока должно сработать зажигание – и, если все пройдет нормально, ракета стартует в космос. Вместо боеголовки она понесет сферическую капсулу, внутри которой будет сидеть, вернее лежать, человек не большого роста, не выше 175 см, и не слишком тяжелый, поскольку капсула по весу должна примерно соответствовать 5-мегатонной бомбе, которую она заменяет. Выполнение такого задания требует от человека длительной подготовки и немалой отваги. Никто до него не был в космосе, и никто не знает в точности, что произойдет, когда он туда доберется, если, конечно, доберется. Не лопнут ли у него глазные яблоки? Не перестанет ли кровь циркулировать по телу? Переживет ли он перегрузки при старте, которые могут заставить кровь отхлынуть от головы? Выдержит ли теплозащита его металлического шара нагрев до 1500 °С при входе в атмосферу? А вдруг его ракета взорвется, как это случилось на испытаниях? А если он все-таки доберется до космоса, то не сойдет ли с ума – ведь до него ни один человек не попадал в подобную ситуацию?

Когда Юрий Алексеевич Гагарин – 27-летний женатый человек, отец двух дочерей, одной из которых почти два года, а другой лишь месяц от роду, выпускник ремесленного училища по специальности «литейщик», летчик-истребитель и преданный коммунист – выходит в оранжевом скафандре под яркое весеннее солнце и идет к лифту, чтобы подняться к верхней части ракеты, никто за пределами строго ограниченного круга лиц не знает о его задании. Даже жена, которая осталась дома в Подмоскowie, не знает, что ее муж выбран для выполнения этого задания и что сегодня – тот самый день.

А остальной мир вообще ничего не знает.

Несмотря на намеки в советских средствах массовой информации, существование этой программы – государственная тайна. Подготовка Гагарина и еще 19 космонавтов – тайна. Человек, руководивший всем этим, – тайна; по стране он перемещается только в сопровождении телохранителя из КГБ, чтобы агенты ЦРУ не смогли похитить или убить его. Это американское разведывательное ведомство много лет безуспешно пыталось выяснить его имя. Со всех членов съемочных групп, которые фиксируют на пленку подготовку к пуску, взята подписка о неразглашении: если кто-то из них обмолвится хоть словом, последствия для него будут весьма серьезными. Ставки в холодной войне слишком высоки, чтобы СССР открывал свои карты. Уже два года американцы открыто готовятся запустить человека в космос. По последним данным, они могут попытаться сделать это меньше чем через три недели. Советы, ничего не объявляя, пытаются их опередить.

В Америке сейчас вечер 11 апреля. Миллионы людей наверняка смотрят телевизор, где молодой новый президент Джон Кеннеди и его эффектная жена Джеки рассказывают о том, как трудно им воспитывать маленьких детей, Кэролайн и Джона, в Белом доме. В одном из районов Нью-Йорка – Уэст-Виллидж – никому не известный 19-летний Боб Дилан готовится к своему профессиональному дебюту в клубе Gerde's Folk City, где он должен открывать концерты Джона Ли Хукера. Главное сообщение в вечерних выпусках новостей – о первом дне суда в Иерусалиме над Адольфом Эйхманом, бывшим офицером СС, обвиненным в преступлениях против человечности за участие в убийстве шести миллионов евреев.

³ По информации Асифа Сиддики, высота Р-7 в этом варианте (8К72К) составляла 38,36 м.

⁴ Ракета Р-7 могла нести боезаряд мощностью 3–5 мегатонн. Бомба «Малыш», сброшенная на Хиросиму, имела мощность около 15 килотонн. Иными словами, оценка «эквивалентна 200 бомбам» довольно скромная, почти наверняка соотношение было намного больше.

А тем временем в нескольких тысячах километров к востоку Гагарин сидит пристегнутый к креслу, пока снаружи затягивают последний болт люка. Он ждет, один в своем крохотном шарике, и насвистывает песенку о любви. Офицеры и инженеры в подземном бункере менее чем в сотне метров от ракеты слышат его в наушниках. Через несколько минут он либо станет первым человеком в истории, которому удалось вырваться за пределы Земли и увидеть ее из космоса во всей великолепии, либо примет жуткую смерть. В случае успеха к закату солнца он станет самым знаменитым человеком на планете и победителем в жестокой идеологической схватке с США и их союзниками. В случае неудачи почти никто не будет знать о том, что такой человек вообще когда-то существовал.

Действие I

Четырьмя месяцами ранее

Декабрь 1960 года – январь 1961 года

*Год придет, и вылет межпланетный
Мы вот так же будем начинать!
Кто нам запретит мечтать об этом,
Если Ленин научил мечтать!*

*Николай Криванчиков, советский поэт, опубликовано через
несколько часов после запуска «Спутника-1» в октябре 1957 года⁵*

*Будь я проклят, если стану спать при свете какой-то Красной
Луны... Скоро они начнут бросать на нас бомбы из космоса, как дети
бросают камни на машины с моста.
Сенатор Линдон Джонсон, также после запуска «Спутника-1»⁶*

1

Собаки Арвида Палло

24 ДЕКАБРЯ 1960 ГОДА

60 км к западу от Туры

Сибирь, СССР

Куда ни посмотри, всюду, до самого горизонта, была только тайга – густой и темный сибирский лес из лиственниц, берез и елей. Вертолет летел низко, и глухой рокот его двигателя был единственным звуком, прерывавшим тишину этого первобытного ландшафта, лишённого в остальном человеческого присутствия и укрытого толстым слоем снега. А снег лежал всюду. Он слепил глаза, укутывал верхушки деревьев и усложнял Арвиду Владимировичу Палло⁷ поиск того, что тот высматривал. Что еще хуже, светлое время суток подходило к концу и вот-вот должно было стемнеть. В этой части Сибири в декабре световой день длился едва четыре часа. Они находились в воздухе почти полчаса, и через два часа тайгу внизу должна была накрыть долгая приполярная ночь.

Где-то там, в снегу, в одном из самых глухих уголков планеты, лежал пустотелый алюминиевый шар чуть больше двух метров в диаметре, весивший две с половиной тонны. И где-то рядом с ним, надеялся Палло, находится закрытый металлический контейнер с двумя собаками. Он надеялся также, что собаки еще живы после двух суток пребывания на сибирском морозе, достигавшем -40°C , не говоря уже о трагических событиях, в результате которых они приземлились в этом необитаемом месте.

⁵ Scott and Leonov, *Two Sides of the Moon*, p. 35.

⁶ Koppel, *The Astronaut Wives Club*, p. 15.

⁷ Большая часть материала и цитат в описании спасательной экспедиции Палло заимствована из его собственного рассказа в сборнике воспоминаний «Дороги в космос». Дополнительный материал – из интервью Палло Александру Локтеву в газете «Вестник» (1999). См. также Grahn, *Sputnik 6 and the Failure of December 22*. Рассказ А. В. Палло сверен с первоисточником: Дороги в космос. Кн. 2. С. 47–51.

Приключения Палло начались двумя днями ранее, 22 декабря, когда ракета Р-7 вывела этот шар в космос с секретной стартовой площадки в Советском Казахстане. Внутри шара находился металлический контейнер с двумя собаками. Секретность, окружавшая этот запуск, была такой, что их клички до сего дня никто не знает наверняка. В разных источниках это либо Комета и Шутка, либо Жулька и Жемчужная, а в записках самого Палло – Жулька и Альфа. Поскольку мы ориентируемся в данном случае на Палло, примем его вариант. Обе собаки были бродячими беспородными суками, которых подобрали на улицах Москвы. Цель запуска – вывод животных на орбиту и безопасное возвращение на Землю. Шар официально назывался «кораблем-спутником», то есть космическим кораблем. Конструкторы именовали его «Восток-1», но это название было секретным. «Восток-1» был прототипом, по существу первой версией космического корабля, который, как предполагалось, в не очень отдаленном будущем унесет в космос кого-нибудь из советских товарищей и сделает это прежде, чем туда попадут американцы. Жулька и Альфа должны были проложить путь в космос.

Правда, предшествующие события не внушали особого оптимизма. С мая 1960 года до того момента, когда 24 декабря Палло отправился на вертолете искать двух собак в сибирской глуши, было запущено пять «Востоков». Все запуски, кроме одного, закончились неудачей. Две собаки погибли во время второго полета «Востока», когда ракета взорвалась через 38 секунд после старта. Еще двух собак потеряли при возвращении с орбиты во время четвертого полета. Все прошло успешно только в августе, когда еще две собаки, Белка и Стрелка, вместе с 40 мышами, двумя крысами и сотнями плодовых мушек после целых 18 витков на орбите вернулись живыми. Полет третьего из запущенных «Востоков» стал грандиозным достижением: впервые живые организмы успешно достигли орбиты и вернулись на Землю. Американцы на тот момент ничем похвастаться не могли, и советские средства массовой информации обыграли успех по полной. Но за газетной шумихой крылась не очень приятная правда. На четвертом витке телекамера показала, что Белку тошнит, она отчаянно рвется из удерживающих ремней и, очевидно, мучается. Перед входом в атмосферу у корабля отказала главная система ориентации, и пришлось задействовать резервную систему. Если бы не она, Белка и Стрелка беспомощно болтались бы в космосе и были обречены на медленную смерть.

И вот теперь, в тот момент, когда значительная часть мира готовилась отметить первое Рождество нового десятилетия, этот, пятый по счету, полет «Востока» с Жулькой и Альфой тоже окончился неудачей.

Двигатель третьей ступени ракеты Р-7, несшей «Восток», выключился слишком рано – через 432 секунды после старта. В результате космический корабль не вышел на орбиту, а, автоматически отделившись от ракеты, пронесся по баллистической траектории через несколько часовых поясов над территорией Советского Союза. Когда же «Восток» с двумя собаками, пристегнутыми ремнями внутри небольшого контейнера, вновь вошел в атмосферу Земли со скоростью несколько тысяч километров в час, все опять пошло не по плану. Начать с того, что не сработала бортовая «адская машина».

Такая «бомба» имелась на борту каждого «Востока» с собаками и была данью опасениям советского руководства, которое не хотело раскрывать свои технические секреты, в особенности американцам. Ее предназначение, известное по кодовому обозначению АПО (то есть *аварийный подрыв объекта*), состояло в уничтожении «объекта», иначе говоря «Востока», в случае его приземления в незапланированном месте – в чужой и не дай бог капиталистической стране. С точки зрения советского руководства это было бы чрезвычайной ситуацией, даже если собаки на борту имели на этот счет другое мнение. Именно так произошло всего тремя неделями ранее во время четвертого полета «Востока», когда из-за проблемы с тормозным двигателем спускаемый аппарат должен был приземлиться за пределами СССР. Датчик бомбы определил, что аппарат возвращается на Землю в неправильной точке, и сработал. Две собаки

внутри – Пчелка и Мушка – были уничтожены⁸ вместе с кораблем. ТАСС, официальное новостное агентство Советского Союза, коротко сообщил, что корабль прекратил свое существование при входе в атмосферу «в связи со снижением по нерасчетной траектории⁹». О бомбах, конечно, никто ничего не говорил.

Теперь же, когда Жулька и Альфа упали в неизвестную точку после отказа двигателя третьей ступени, система аварийного подрыва объекта не активировалась по причинам, которые и по сей день остаются до конца не выясненными. Однако на корабле был еще резервный 60-часовой таймер¹⁰. Детали его действия остаются туманными, но, скорее всего, отсчет времени до взрыва должен был начаться сразу после приземления капсулы, если, конечно, она приземлится целой.

На последних минутах полета баллистическая траектория спускаемого аппарата стала более крутой, и «Восток» начал падать в район реки Подкаменная Тунгуска – в один из самых труднодоступных регионов Сибири. В этом была своеобразная ирония: туда уже падал космический объект, но было это в 1908 году, когда метеорит взорвался с силой ядерной бомбы и повалил, по существующим оценкам, 80 млн деревьев. Собаки в герметичном контейнере, наверное, испытывали ужас, пока их маленькая сфера сотрясалась, преодолевая все более плотные слои атмосферы. Однако их злключения еще только начинались.

На высоте семь километров люк «Востока» штатно отстреливался, а через две с половиной секунды после этого по плану катапульты выбрасывала собак в контейнере, который затем опускался на землю отдельно на парашюте. Именно такая система должна была вскоре обеспечить возвращение космонавта на землю целым и невредимым, вот только на этот раз она работала неправильно. Отстрел и люка, и контейнера с собаками произошел одновременно, из-за чего контейнер сильно ударился о край люка, погнул его и остался внутри. Собаки оказались запертыми внутри падающего шара – а шар, хотя и имел тормозные парашюты, смягчавшие удар о землю, не был рассчитан на защиту собак внутри. Жульку и Альфу ждало как минимум очень жесткое приземление где-то в Сибири, к тому же в середине зимы. Да еще со взведенной бомбой на борту.

А на казахстанском космодроме и в секретном расчетном центре под Москвой никто поначалу не мог понять, что произошло. На протяжении нескольких часов сигналов с «Востока» не было. Данные телеметрии с третьей ступени ракеты свидетельствовали об отказе двигателя, но сведений о самом спускаемом аппарате и его двух пассажирах не было. Затем, позже в тот же вечер, радиопеленгаторы дальнего действия в Москве, Краснодаре и Ташкенте начали принимать слабые сигналы радиомаяка спускаемого аппарата откуда-то из глубин Сибири. Сигналы свидетельствовали, что аппарат каким-то образом успешно сел, правда неизвестно в каком состоянии. Неизвестны были и точные координаты места приземления. Шесть поисковых самолетов немедленно получили задание отыскать спускаемый аппарат и спасти собак, если они еще живы. Но это была не миссия милосердия. Прежде чем посылать человека в космос, нужно было проанализировать причины произошедшего и все исправить. А для этого требовалось найти «Восток», причем быстро, пока он не взорвался.

Арвид Палло и команда спасателей ждали известий на аэродроме в Туре – поселке в 60 км к востоку от предполагаемого района посадки, – когда пришла новость о том, что один из самолетов обнаружил спускаемый аппарат. Палло получил в свое распоряжение вертолет и направился на место. С ним были офицер КГБ и Анатолий Комаров, ведущий инженер

⁸ Пчелка и Мушка были запущены на борту третьего корабля-спутника 1 декабря 1960 года. Система АПО уничтожила их вместе с кораблем 2 декабря 1960 года.

⁹ Цитата воспроизведена по сообщению ТАСС: Правда. 1960. 3 декабря.

¹⁰ Siddiqi, *Challenge*, p. 260, а также электронное письмо автору от 16 декабря 2019 года. Дополнительная информация об АПО имеется в книге Chertok, *Rockets and People*, vol. III, p. 53, и в воспоминаниях Юрия Мозжорина в сборнике «Дороги в космос». См. также Grahm, *Sputnik 6 and the Failure of December 22*.

из ленинградского института, разрабатывавшего бортовое взрывное устройство. В присутствии представителя КГБ не было ничего удивительного. Речь шла о требующих охраны секретах, начиная со взрывного устройства и кончая операцией в целом.

Сам Палло идеально подходил для предстоящей задачи. Этот высокий сухощавый мужчина 48 лет до войны осваивал профессию инженера и работал на оружейном заводе – ценный опыт, если учесть, с чем ему предстояло иметь дело, – а затем участвовал в создании первого самолета с реактивным двигателем, сконструированным в СССР. Конструкция самолета была весьма продвинутой, а двигатель – принципиально новым и очень ненадежным. О том, насколько он был ненадежен, свидетельствовало лицо самого Палло. Однажды в 1942 году реактивный двигатель самолета взорвался на земле. Палло бросился спасать пилота, сидящего в кабине, обжег лицо азотной кислотой, которая использовалась как окислитель, и заработал шрам на всю жизнь. Но пилот выжил.

По мере приближения к месту падения спускаемого аппарата становилось все более ясно, что посадить вертолет рядом не удастся. Лес был слишком густым. Самолет, который обнаружил «Восток», кружил в вышине над ними и не выпускал спускаемый аппарат из поля зрения. Палло приказал пилоту вертолета сесть на поляне примерно в 800 м от нужной точки. Они с Комаровым прыгнули на землю и оказались по пояс в снегу. О том, высадился ли вместе с ними капитан КГБ, нигде не упоминается.

Взяв инструменты и радио, двое – или все же трое – мужчин двинулись в лес. Меньше чем через 100 м они потеряли направление. Снег скрывал видимые приметы. Холод перехватывал дыхание. Пилот поискового самолета Ан-2 радиовал сверху, что скоро стемнеет и он возвращается на базу. Палло попросил летчика указать им правильное направление, пролетев по прямой линии к «Востоку».

Они упрямо пробирались по снегу и в конце концов вышли к спускаемому аппарату. Помятый шар лежал на маленькой прогалине в лесу, а два его парашюта безжизненно болтались на ближайших деревьях. Толстый пук обгоревших проводов свисал с отрывной платы электроразъемов. Поверхность шара обуглилась в результате сильного нагрева во время нештатного возвращения на Землю. Палло рассчитывал найти контейнер с собаками под собственным парашютом где-нибудь рядом, но следов еще одного объекта нигде не было. Потом он заглянул в люк «Востока» и увидел, что контейнер все еще внутри, а значит, и собаки находятся в спускаемом аппарате. К этому моменту миновало уже 50 с лишним часов из 60, которые отмерял таймер взрывного устройства. Если не обезвредить его прямо сейчас, до темноты, Жулька и Альфа взлетят на воздух.

В этот момент, как следует из мемуаров Палло, история приняла поистине сюрреалистический оборот: он решил, что должен обезвредить взрывное устройство сам. Очень странное решение, если учесть его личный опыт со взрывами. Палло предложил Комарову спрятаться за деревом и подождать, пока он все сделает. Комаров отказался, заявив, что эта работа по его части. Стоя в снегу в сибирской глуши рядом с обугленной капсулой, они затеяли спор и в конце концов решили тянуть жребий на спичках. Комаров выиграл, Палло спрятался за деревом. Можно предполагать, что к нему присоединился и офицер КГБ, если, конечно, он там был.

Комаров подошел к спускаемому аппарату и начал возиться с кабелями, а Палло наблюдал за ним из-за дерева. К тому времени, когда работа была закончена, почти наступила ночь. Опасность взрыва была устранена, и Палло перегнулся через край люка и просунул голову внутрь аппарата. Он пытался рассмотреть собак через иллюминатор в контейнере, но стекло замерзло. Ответа на стук по стенкам контейнера не было. Пилот вертолета передал по радио, что пора вылетать, пока не стемнело совсем. Других вариантов не было, кроме как оставить спускаемый аппарат на месте и вернуться к нему утром. Это означало еще одну морозную сибирскую ночь – уже третью – для Жульки и Альфы. Но пока все говорило о том, что они, скорее всего, не выжили.

На следующее утро Палло прилетел обратно. Он привез с собой еще несколько членов спасательной команды, в том числе ветеринарного врача Армена Гюрджиана. Вертолет снова приземлился на поляне, и команда двинулась по снегу к космическому аппарату. Добравшись, Палло сразу же полез внутрь. На этот раз он сумел извлечь запечатанный контейнер из аппарата и услышал слабый лай. Мужчины поспешили отвинтить болты и снять крышку. Внутри, пристегнутые к своим лежанкам, напуганные и почти замерзшие после трехдневных мытарств, лежали две собаки и – невероятное дело! – обе были живы.

Гюрджиан осторожно завернул их в свой толстый овчинный тулуп и отнес к ожидающему вертолету. Уже через полчаса они сели на летном поле в Туре. К следующему утру собаки вернулись в Москву, домой, на свои места в питомнике Института авиационной и космической медицины, где их тренировали перед полетом. Они были целы и здоровы, но ни о пережитых ими испытаниях, ни даже о самом факте их полета в прессу не просочилось ни слова и не просочится еще несколько десятилетий. А пока работа Арвида Палло была сделана лишь наполовину. В гонке, целью которой был запуск советского гражданина в космос раньше американцев, недостаточно было доставить в Москву собак. Требовалось вернуть и спускаемый аппарат.

Эта экспедиция, заставившая Палло преодолеть более чем 3000 км в условиях суровой русской зимы, заняла почти три недели. К 11 января, через 20 дней после падения в отдаленном районе Советского Союза, «Восток» вернулся на секретную площадку в подмосковном Калининграде, известную как ОКБ-1, – место, где разрабатывались советские ракеты и строились «Востоки».

И вовремя. Всего за шесть дней до этого, 5 января, заместитель главного конструктора ОКБ-1 Константин Бушуев огласил новый график подготовки первого в СССР полета человека в космос.

На текущий момент при запусках «Востока» с собаками происходило слишком много неприятностей, но этого мало. Менее чем три месяца назад, 24 октября, на ракетном полигоне в Казахстане произошла катастрофа: полностью запрошенная ракета Р-16 взорвалась на стартовом столе во время подготовки к испытательному пуску. Взрыв произошел вечером. В огненном аду сгинули по крайней мере 74 человека¹¹. Одни прыгнули навстречу смерти с мачты обслуживания, другие сгорели заживо, третьи задохнулись в плотных клубах токсичного дыма. Погиб кое-кто и из высшего ракетного начальства, включая главнокомандующего советскими Ракетными войсками стратегического назначения маршала Митрофана Неделина, который, чтобы уложиться в жесткие сроки пуска ракеты, сидел в кресле прямо на стартовой площадке и подгонял людей. Его останки удалось идентифицировать только по звезде Героя Советского Союза и наполовину расплавившимся ключам от сейфа в кабинете.

Эта катастрофа была и остается самой страшной в истории ракетной техники всех времен и народов. Ее также держали в секрете. В советских средствах массовой информации объявили, что маршал Неделин погиб в авиакатастрофе. Хотя взорвалась не ракета Р-7, которая использовалась для запуска «Востоков», эта катастрофа серьезно повлияла на советскую пилотируемую программу. В разработке обеих ракет участвовали одни и те же крупные конструкторские бюро, а на ключевых совещаниях по «Востоку» председательствовал именно Неделин. В результате возникла задержка, которую и отражал новый график Бушуева.

Теперь в феврале должны были состояться еще два испытательных пуска с собаками, по одной в каждом. В обоих пусках планировалось впервые использовать усовершенствованный вариант «Востока», известный как «Восток-3А». Именно такому кораблю впоследствии суждено было доставить на орбиту человека. Во время испытательных полетов в кабине космического корабля рядом с собакой должен был находиться манекен человека в натураль-

¹¹ Это число привел Асиф Сиддики в переписке с автором. Еще 16 умерли позднее в госпиталях. До сего дня по традиции 24 октября на Байконуре не проводятся пуски.

ную величину в скафандре. Оба февральских полета должны были пройти по тому же плану, что и последующий полет с космонавтом на борту: один оборот вокруг Земли, возвращение и посадка на территории СССР. Учитывая череду прежних неудач с «Востоком», проведение полета продолжительностью более чем в один виток сочли слишком рискованным. Предполагалось, что если эти два испытательных полета пройдут успешно, следующим будет полет с человеком. Секретная предварительная дата запуска была назначена на март.

В это время на другом конце света, в Соединенных Штатах, Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) также было близко к запуску в космос первого астронавта. Его программа пилотируемых полетов, сформированная в конце 1958 года, называлась «Проект Меркури» в честь древнеримского бога-вестника, шлем и сандалии которого были снабжены крыльями. Неплохой образ, хотя и подпорченный слегка тем, что еще одной обязанностью божественного Меркурия было сопровождение умерших в подземный мир. У американцев тоже были свои аварии, взрывы и задержки, но, в отличие от Советов, они не делали из них тайны. Теперь NASA собиралось провести испытательный полет с животным, но не с собакой, а с шимпанзе. Предварительная дата была назначена на конец января.

Перед Новым годом шесть тренированных шимпанзе уже были доставлены самолетом из штата Нью-Мексико на мыс Канаверал – космодром во Флориде. Одного из этих шимпанзе должны были выбрать для полета. Если все прошло бы успешно, далее, надо думать, последовал бы полет человека. В публичных пресс-релизах NASA избегало называть конкретные даты, потому что слишком уж часто сроки не удавалось выдержать. Но в американской прессе – где ее мог прочесть любой агент КГБ или советский инженер-ракетчик – циркулировала информация о том, что первый полет американского астронавта мог состояться уже в марте¹².

Итак, на кон в этом величайшем из приключений было поставлено все. Не прошло еще и 60 лет с того момента, когда братьям Райт с огромным трудом удалось поднять свой биплан из полотна и проволоки на пару метров в воздух. Теперь человеку предстояло сделать первый шаг к звездам. Ему предстояло вырваться за пределы планеты, на поверхности которой существовало все живое с начала времен, и проникнуть в самую враждебную и опасную среду, с какой ему доводилось когда-либо сталкиваться. Риски были громадны. Это было сражение с длинным и ужасающим списком неизвестных. Та сверхдержава, которой удалось бы попасть туда первой, одержала бы в самой холодной из всех холодных войн огромную техническую, политическую и идеологическую победу над соперником.

Судя по тому, как обстояли дела в ту первую неделю 1961 года, накануне вселения в Белый дом нового молодого и активного президента США, обе сверхдержавы надеялись сделать это в марте, и не исключено, что в один и тот же момент.

¹² Например, журнал *Aviation Week* от 26 декабря 1960 года прогнозировал осуществление первого американского пилотируемого полета на март.

2

Кто впустил сюда русского?

19 ЯНВАРЯ 1961 ГОДА

Вашингтон

Ночью, накануне того дня, когда президент США Джон Фицджеральд Кеннеди должен был принести присягу и вступить в должность, на столицу страны обрушился сильнейший снегопад. Всего за несколько часов на город выпало 20 см снега, что вызвало хаос на дорогах и стало причиной самых страшных пробок на памяти живущих. Тысячи машин, на которых ехали люди, надеявшиеся хоть одним глазком взглянуть на нового президента и его жену Джеки на церемонии инаугурации, были брошены там, где сломались или застряли, а то и просто там, где водителям надоела эта бесконечная канитель. К началу вечера только на Пенсильвания-авеню – на маршруте назначенного на завтрашний день парада – стояло почти полторы тысячи машин. Национальный аэропорт был закрыт, и дорожному департаменту города, чтобы справиться с ситуацией, пришлось вывести на улицы все 200 снегоуборочных машин, имевшихся в его распоряжении. Но этого было недостаточно. Температура продолжала падать, и власти привлекли к делу инженерные войска и команды бойскаутов, поскольку городские службы не справлялись, а надо было успеть навести порядок для завтрашних мероприятий. Всю ночь люди работали в лихорадочном темпе, используя для борьбы со снегом даже огнеметы. Нью-Йоркская газета *Daily News* назвала это «кошмаром»¹³. Но поскольку на полдень следующего дня была запланирована инаугурация нового 43-летнего президента, останавливаться никто не думал.

Пока городские службы сражались со снегом, избранный президент и Джеки с головой ушли в поток мероприятий, предшествующих инаугурации и способных, на взгляд многих помощников Кеннеди, измотать любого, но только не эту пару. Они, казалось, по-настоящему ловили кайф, а снег лишь добавлял веселья. Ранее в тот день Джек Кеннеди, как его обычно называли, встретился в Белом доме с уходящим президентом Дуайтом Эйзенхауэром. Они проговорили час наедине, и Эйзенхауэр показал, как вызвать на площадку перед домом вертолет. Два президента при всем желании не могли бы выглядеть более контрастно: старый боевой генерал, ветеран высадки союзных войск в Европе, родившийся на излете Викторианской эпохи, и человек много моложе, обаятельный, стройный, с ослепительной улыбкой – истинное воплощение здоровья и энергии, хотя за плечами у него была неафишируемая история болезни, операций и серьезных проблем со спиной.

Когда на землю легли первые хлопья снега, молодая президентская чета вышла из своего дома в Джорджтауне, престижном районе Вашингтона, чтобы начать празднование. Джек был ослепителен во фраке с белым галстуком-бабочкой, Джеки блистала в белом шелковом бальном платье в пол, а телохранитель из секретной службы держал над ней зонт. Эти две фигуры в бликах сотен фотовспышек символизировали для миллионов американцев новое десятилетие и будущее. К тому времени, когда чета добралась до Конститушн-холла, где должен был состояться концерт, половина Национального симфонического оркестра все еще пыталась выбраться из снежных заносов, но высоких гостей это, кажется, не беспокоило – пока музыканты собирались, они непринужденно болтали с другими гостями. После того как мероприятие завершилось – на час позже запланированного, – они направились на гала-концерт Фрэнка Синатры в Арсенале Национальной гвардии, где на самой, по выражению прессы, рос-

¹³ *New York Daily News*, January 20, 1961. Дополнительные детали событий перед инаугурацией и концертом почерпнуты из *The Washington Post*, January 20, 1961; Sidey, *John F. Kennedy*, p. 43–47; Salinger, *With Kennedy*, p. 108–109, где также дана оценка размера телевизионной аудитории.

кошной вечеринке в истории инаугураций выступал не только Синатра, но и Элла Фицджеральд, Нат Кинг Коул, Джин Келли и другие звезды. По задумке этот гала-концерт должен был покрыть половину дефицита в размере \$3 млн, накопленного Демократической партией за время президентской гонки. Некоторые из гостей заплатили по \$10 000 за билет, но погода помешала многим из них появиться на вечеринке. Корреспондент журнала *Time* при Белом доме Хью Сайди описывал это мероприятие как «нескончаемое», и Джеки Кеннеди, возможно, внутренне согласилась бы с такой оценкой, поскольку в 1:30 она уехала домой, чтобы чуть-чуть поспать. Но ее муж оставался до конца и по-прежнему ослепительно улыбался, а затем рванул сквозь одну из сильнейших метелей в истории города на другую вечеринку, которую устроил его отец Джо Кеннеди в одном из модных ресторанов в центре. Домой он вернулся в 3:30. В 4:00, когда огнеметы сметали снег с деревьев вдоль Пенсильвания-авеню, а сотрудники секретных служб блокировали крышки канализационных люков, чтобы обезопасить маршрут, он уже спал. На следующий день его ждали присяга, обращение к нации, парад и еще пять инаугурационных балов.

Меньше чем в 200 милях к югу от столицы в тот же вечер, когда чета Кеннеди вышла из дома под начинающийся снегопад, в аудитории исследовательского центра NASA в Лэнгли (штат Вирджиния) сидели и чего-то ждали семь человек. Сам центр представлял собой часть авиационно-космического испытательного полигона, который раскинулся на юго-восточной оконечности полуострова Вирджиния, возле города Ньюпорт-Ньюс, на территории в несколько сотен акров. За время после его основания в 1917 году как полевой станции Национального консультативного комитета по аэронавтике (NACA) этот центр превратился в запутанную систему ангаров, мастерских, аэродинамических труб, конструкторских бюро и лабораторий, где самые современные летательные аппараты испытывались при всевозможных условиях и иногда намеренно доводились до разрушения. Лэнгли был авиационным испытательным полигоном, и именно в этом лабиринте зданий следовало искать самые передовые новинки американской аэронавтики.

И не только аэронавтики. Когда в 1958 году на смену NACA пришло новое космическое агентство NASA, ему достались и многочисленные сооружения в Лэнгли, в одном из которых – а именно в корпусе 60¹⁴, ничем не примечательном двухэтажном здании красного кирпича, окруженном аккуратно подстриженным газоном, – ранним вечером того дня, когда начался снегопад, сидели и чего-то ждали семеро мужчин.

Они сидели за металлическими столами, как школьники в классе, но все это были мужчины за 30 в прекрасной физической форме, одетые в основном в нейлоновые водолазки. Американская публика уже хорошо знала их лица по снимкам на страницах одного из самых читаемых в стране еженедельных изданий – журнала *Life*, с которым у них был заключен эксклюзивный и очень заманчивый контракт¹⁵. К этому времени читатели знали или думали, что знают о них все, хотя видели лишь тщательно отретушированные образы: хобби, семейное положение, биографию, профессиональные достижения в качестве летчика-испытателя, страхи и мечты, машины и даже любимые наряды жены. Стоило этим семерым появиться на публике 9 апреля 1959 года в переполненном конференц-зале вашигтонского головного офиса NASA, как они стали знаменитостями по одной простой причине: именно их выбрали на роль первых астронавтов Америки. Их сразу же окрестили Mercury 7 по названию про-

¹⁴ Ehrenfried, *The Birth of NASA*, p. 39.

¹⁵ Посредником при заключении эксклюзивного контракта стал известный вашингтонский юрист Лео Деорси, не взявший себе за это ни цента. Сообщалось, что каждому астронавту ежегодно в течение трех лет должны были выплачивать \$25 000, что соответствует примерно \$210 000 в ценах 2021 года. Эти выплаты шли в дополнение к зарплате астронавта – еще \$7500 – и надбавке за летные часы. Контракт давал астронавтам контроль над печатаемыми материалами, многие из которых выходили под их собственными именами. См. также: Garber, *Astro Mad Men: NASA's 1960s Campaign to Win America's Heart*, *The Atlantic*, July 31, 2013.

граммы пилотируемых космических полетов – «Проект Mercury». Все семь были добровольцами, отобранными по результатам строгого, даже жесткого медицинского и психологического тестирования из сотен подходящих военных летчиков-испытателей в начале 1959 года. Для прессы, даже если это не вполне соответствовало действительности, они были самыми лучшими и храбрейшими летчиками страны. Каждый из них был готов физически и морально не только лететь, но и, если потребуется, отдать жизнь за свою страну там, в вышине, в неизведанных просторах космоса. Это были американские гладиаторы, вышедшие сражаться за дело свободы. Неудивительно, что они мгновенно покорили почти всех американцев.

После этой пресс-конференции минул уже 21 месяц, но, несмотря на интенсивный и жесткий режим тренировок все это время, никто из семерки еще не приблизился к космосу. Предварительно назначенные даты полета все время сдвигались. В последнее время говорили о марте, но все зависело от пробного запуска в космос шимпанзе, запланированного на конец января – меньше чем через две недели. Только в случае успеха этого полета один из семерых, сидящих в классе, мог надеяться стать следующим.

Все они нутром чувствовали, что Советы тоже собираются отправить человека в космос, причем скоро, хотя оттуда не поступало *официальных* сообщений ни о существовании плана, ни о подготовке советских астронавтов, ни о чем-либо другом в этой области. Тем не менее все об этом знали. Ну а чтобы не было сомнений, советская пресса время от времени подкидывала прозрачные намеки, особенно после таких звездных успехов, как орбитальный полет собак Белки и Стрелки в августе. «Космонавт готовится к полету», – кричал заголовок одной из русских газет, когда это произошло, а популярный иллюстрированный еженедельный журнал «Огонек» – своеобразная советская версия *Life* – буквально захлебывался от радости: «Космос! Жди в гости советского человека!» Но, в отличие от *Life*, журналисты «Огонька» не писали, кто этот советский человек, на какой машине он ездит и вообще существует ли он. Обо всем этом помалкивали.

И все же советский пилотируемый визит в космос, безусловно, должен был состояться очень скоро. После полета Белки и Стрелки прошло уже пять месяцев, а американцы все еще ждали полета своего шимпанзе. К тому же Белка и Стрелка сделали 18 оборотов на орбите вокруг Земли. Из этого с неизбежностью следовало, что советский пилотируемый полет в космос тоже будет орбитальным, тогда как американцам, по крайней мере на первом этапе, придется ограничиться короткими и суборбитальными. Чтобы забросить человека на орбиту, требовались большие, мощные ракеты, которые у Советов уже имелись, а у американцев еще только разрабатывались. Вопрос о том, как именно и почему возник этот тревожный дисбаланс, долгое время был предметом передовиц многих американских газет и слушаний в Конгрессе, но на практике он означал, что первые американские астронавты, как и первый американский шимпанзе, смогут лететь только по более простой баллистической траектории и выскочить из атмосферы в космос всего на несколько минут, пока гравитация не притянет капсулу обратно к Земле. Такая траектория напоминает дугу полета артиллерийского снаряда с той лишь разницей, что внутри снаряда сидит шимпанзе или человек. Но даже если технически такой суборбитальный прыжок вверх-вниз выглядел не так впечатляюще, как орбитальный полет вокруг земного шара на скорости почти 28 000 км/ч, он все равно шел в зачет. Для американской публики и средств массовой информации космос оставался космосом – и неважно, находился в нем человек несколько минут или несколько часов. Важно было одно: кто окажется там *первым* и при этом останется живым.

Семерых потенциальных американских астронавтов занимал еще один и, может быть, более насущный вопрос, а именно: кто *из них* будет первым? Как и многих в стране, их огорчали задержки и сдвиги в космической программе, но они понимали, что в проекте такого масштаба и дерзости невозможно действовать по учебнику – здесь все пишется по ходу дела и тут же переписывается. Как летчикам-испытателям, им было прекрасно известно, что многие

задержки необходимы, причем по самым практическим соображениям – речь шла о безопасности их собственных шкур. Никто, конечно же, не хотел умирать, но это не мешало каждому надеяться, что именно его шкура станет первой.

До настоящего момента никто из них не знал, кому достанется эта честь, но с точки зрения прессы безусловным фаворитом был Джон Гленн – бывший летчик Корпуса морской пехоты, который совершил 59 боевых вылетов во время Второй мировой войны, сбил во время Корейской войны три самолета коммунистов, получил пять крестов «За летные боевые заслуги», установил в 1957 году мировой рекорд скорости полета на реактивном самолете над континентальной территорией США и несколько раз появлялся в качестве участника в популярном шоу CBS TV «Угадай мелодию». Его очень украшали форма, широкая улыбка и грудь в орденах. Людям нравилось, что когда-то у него было прозвище Магнит в заднице, потому что его самолет неоднократно получал пробоины снизу. Все это складывалось в весьма привлекательный портрет. Стоило добавить к нему широкое веснушчатое лицо с обаятельной улыбкой, исправное посещение церкви, преподавание в воскресной школе и семейные ценности, о которых он не стеснялся говорить, – и Гленн обретал образ не просто образцового американского астронавта, а *первого* образцового американского астронавта. Судя по всему, он и сам так считал. «Тому, кто не хочет быть первым, – заявил он однажды, – нечего делать в этой программе¹⁶».

Вторым с большим отрывом от остальных шел Алан Шепард, 37-летний бывший морской летчик, не участвовавший в боевых действиях – в этом он, пожалуй, проигрывал Гленну, – но принимавший участие в самых сложных испытаниях самолетов на авиабазе ВМС в Патаксент-Ривер (штат Мэриленд). Это были высокоскоростные, тяжелые в управлении самолеты с названиями вроде Banshee, Demon и Panther, один вид которых, как говорили, должен вызывать панику. В обширном опыте Шепарда были и посадки на авианосец ночью при сильном волнении (вряд ли можно представить более опасное полетное упражнение), и успешное приземление на реактивном самолете с отказавшим двигателем с высоты 12 000 м. Это был блестящий пилот, который однажды ради забавы пролетел под мостом через Чесапикский залив, что едва не стоило ему карьеры. Как-то раз он крутил скоростные бочки на одном из норовистых Banshee, когда у него внезапно снесло оба топливных бака, закрепленных под крыльями, но Шепард все же сумел вернуть самолет целым домой, в Патаксент. Его навыки пилотирования вошли в легенду, как и хладнокровие в ситуациях, когда самолет внезапно выходил из-под контроля. «Он может летать на чем угодно»¹⁷, – сказал о нем один из коллег.

Шепард не делал секрета из своих амбиций как астронавта: «Я хочу быть первым, потому что хочу быть первым¹⁸», – сказал он одному репортеру. Он, безусловно, отличался острым умом – возможно, даже больше других кандидатов – и обладал несомненными лидерскими качествами наряду с феноменальным талантом к техническому анализу. Помимо пилотирования самых крутых в стране самолетов на ужасающих скоростях, а иногда и вниз головой, страстью Шепарда были водные лыжи, гольф, очень быстрые машины и, как поговаривали, женщины. Его дерзкие голубые глаза и насмешливую улыбку до ушей многие женщины находили неотразимыми. Лицо его, хотя и нельзя было назвать красивым, если верить журналу *Life*, казалось мальчишеским, несмотря на выступающую углом линию волос над лбом (иногда такой выступ называют вдовым мыском), и выдавало сильный характер. Впрочем, иногда люди сторонились Шепарда. С ним было интересно и весело, но его настроение пророй резко менялось – только что он буквально сиял и вдруг в один миг становился замкнутым, отстра-

¹⁶ *We Seven*, p. 21.

¹⁷ Thompson, *Light This Candle*, p. 129.

¹⁸ Там же, p. xx.

ненным и превращался в «самую невозмутимость»¹⁹, по характеристике журнала *Life*. Его даже прозвали Ледяным Коммандером. «Я не люблю копаться в себе», – сказал он в том же интервью, отсекая наводящие вопросы об особенностях его характера. Мало кому, кроме астронавта Аполло Джина Сернана, удавалось «пробиться сквозь этот барьер»²⁰ и «понять, каким потрясающим человеком Шепард на самом деле был». У Джона Гленна, например, это не получилось. Шепард и Гленн не стали близкими друзьями.

Эти двое были главными кандидатами, но никаких намеков на то, кто из них – если и правда из них – полетит первым, по-прежнему не было, и только глупец сбросил бы со счетов остальных кандидатов. Был еще Лерой Купер по прозвищу Гордо – худощавый, симпатичный домашний парень с оклахомской фермы, в 32 года самый молодой из кандидатов. Он был фанатом героя комиксов о Баке Роджерсе и однажды признался, что стать астронавтом его побудил среди прочего интерес к НЛО. Еще следует назвать Дональда «Дика» Слейтона – тоже сельского парня из Висконсина, спокойного человека с обветренным лицом, летчика-испытателя и страстного охотника. Его лучшим другом и партнером по охоте был Вирджил «Гас» Гриссом, самый низкорослый в группе, ветеран войны в Корее, совершивший сотню боевых вылетов, обладатель креста «За летные боевые заслуги», славившийся своей неразговорчивостью. Был еще Уолтер «Уолли» Ширра, главный шутник группы, обожавший розыгрыши и, подобно Алану Шепарду, фанатевавший от быстрых машин, один из немногих в семерке упрямых курильщиков. Наконец, Малкольм Скотт Карпентер, включение которого в эту элитную группу летчиков-испытателей было загадкой для всех остальных, поскольку большую часть своей карьеры он пилотировал медленные и скучные винтовые патрульные самолеты. Мало того, у Карпентера еще было хобби, хуже которого невозможно представить: в свободное время он играл на гитаре, сидя дома на подушках рядом с любимой женой Рене, как какой-нибудь битник, а не истинный пилот-сорвиголова.

Дух соперничества бурлил в этих семерых мужчинах. Потому они и оказались в конечном итоге в этой комнате. Именно дух соперничества привел их в летную школу, в авиацию, на флот или в морскую пехоту, чтобы летать – во всех случаях, кроме Карпентера, – на самых крутых реактивных самолетах на планете, а то и рисковать жизнью в воздушных боях. Именно дух соперничества двумя годами ранее заставил их записаться и вступить на этот новый, неиспытанный путь, чтобы стать астронавтами – буквально: *звездными путешественниками* – и летать на необычных и удивительных машинах, совершенно непохожих на самолеты, которые им доводилось пилотировать, летать там, куда самолеты добраться не могут. Именно дух соперничества заставлял каждого из них мечтать – надо полагать, больше всего в жизни – о том, чтобы опередить и русских, и друг друга и войти в историю как *Первый*.

Перед Рождеством астронавтам предложили выдвинуть из своих рядов кого-то на роль первого тайным голосованием, но результат тогда не раскрыли. С середины января, когда полет шимпанзе был, по существу, уже на носу, вопрос стал горячим. И вот накануне дня инаугурации президента Кеннеди астронавтам велели высвободить время и собраться в 17:00 в аудитории. С ними хотел встретиться их шеф Роберт Гилрут.

С ноября 1958 года Гилрут был главой Целевой космической группы со штаб-квартирой в Лэнгли – организации, которую учредило NASA для управления проектом Mercury. Гилрут великолепно подходил для такого поста: один из лучших инженеров в стране в области аэронавтики, он успел поработать надо всем на свете, от британских Spitfire во время войны до продвинутых беспилотных ракетопланов в 1950-е годы. Будучи настоящим новатором, в свои 40 с небольшим Гилрут загорелся новой задачей – доставить астронавта в космос. Несмотря на обманчиво спокойную внешность, у него хватало для этого решительности

¹⁹ *Life*, March 3, 1961.

²⁰ Brinkley, *American Moonshot*, p. 238.

и твердости. Уже 15 минут астронавты ждали Гилрута в аудитории, а снег за окнами падал все сильнее. В обычных обстоятельствах молодые люди провели бы это время за болтовней и подколками, но теперь они едва перебросились несколькими словами. Напряжение, как все потом вспоминали, буквально наэлектризовало обстановку в комнате. Гриссом, «маленький медведь»²¹, как описывал его *Life*, – человек, который почти никогда не открывал рта, – вдруг пошутил. «Если мы еще подождем, – сказал он, – мне, пожалуй, придется произнести речь»²². Но прежде чем до этого дошло, появился Гилрут.

Быстро закрыв за собой дверь, он не стал терять времени. Он сказал астронавтам, что это было «самое трудное решение, которое ему когда-либо приходилось принимать», и объявил, что первый полет совершит Алан Шепард. Следующим будет Гас Гриссом, а третьим – Джон Гленн. Кроме того, Гленн будет дублером обоих – и Шепарда, и Гриссома. Остальные четверо – Дик Слейтон, Гордо Купер, Скотт Карпентер и Уолли Ширра – полетят позже. Гилрут не дал никаких объяснений своему решению ни тогда, ни позже, по крайней мере он никак не объяснил его самому Шепарду. Впоследствии, однако, он признался, что ключевым фактором для него стал высочайший интеллект Шепарда. Перед уходом Гилрут сказал, что публичных объявлений о его решении пока не будет. В противном случае пресса одолеет Шепарда. Астронавты должны были пока держать эту новость при себе. Гилрут поблагодарил их, пожелал удачи и ушел.

В аудитории воцарилось ошеломленное молчание. Позже Шепард вспоминал, что, пока Гилрут говорил, он смотрел в пол не отрываясь и пытался скрыть свой восторг. Он поднял глаза только после ухода Гилрута. Все шесть пар глаз были обращены на него. Затем Гленн шагнул вперед и пожал ему руку. Один за другим то же сделали и остальные. Несколько секунд – и все куда-то пропали, оставив Шепарда в аудитории одного.

Он тоже не стал надолго задерживаться. Осознав в полной мере произошедшее, Шепард понял, что нужно сообщить об этом родным, несмотря на предупреждение Гилрута. Он вышел в снежную ночь и поехал домой, в Вирджиния-Бич. Стоило ему открыть входную дверь, как жена Луиза налетела на него и крепко обняла. Она увидела, как его лицо расплывается в широкой улыбке, и сразу все поняла. «Ты этого добился!»²³ – сказала она. Все страхи, которые ее наверняка терзали, Луиза держала при себе. Она слишком долго была женой летчика-испытателя, чтобы выставлять их напоказ собственному мужу. «Леди, – сказал Шепард, – об этом не следует никому рассказывать, но вы держите в своих объятиях человека, который будет в космосе первым». Она отпрянула, озорно обвела взглядом комнату и спросила: «Кто впустил сюда русского?» Это, конечно, была шутка, но в реальности сказанное оказалось ближе к истине, чем чета Шепардов могла вообразить.

²¹ *Life*, March 3, 1961.

²² Thompson, *Light This Candle*, p. 270.

²³ Там же, p. 271.

3

Дом в лесу

18 ЯНВАРЯ 1961 ГОДА

Войсковая часть 26266, 41 км к северо-востоку от Москвы

В глубине березового леса в Щелковском районе к северо-востоку от Москвы, вдали от любопытных глаз и от шоссе, ведущего в город, стояло небольшое двухэтажное здание старой постройки, наполовину занесенное снегом. Снега здесь было даже больше, чем в 8000 км отсюда, в Вашингтоне. Он лежал шапкой и на крутых скатах крыши, и на пологом навесе над крыльцом возле входной двери, и на спутанных ветвях берез, дополнительно подчеркивая безмолвие леса.

Кроме необычного расположения, в самом доме не было ничего особенного. Возможно, именно безликость помогала замаскировать его истинное назначение – на самом деле в нем располагалась одна из самых секретных структур в СССР. Официально она называлась в/ч 26266, но была известна также как ЦПК, то есть Центр подготовки космонавтов. И именно здесь, именно в эту среду, за два дня до инаугурации президента Кеннеди в Вашингтоне и за день до назначения Шепарда первым астронавтом Америки, решался вопрос, кому из шестерых человек быть первым космонавтом Советского Союза, а может быть, и всего мира.

Как и члены Mercury 7 в Лэнгли (штат Вирджиния), эти шестеро тоже сидели в аудитории. Но на этом сходство заканчивалось. Все они были явно моложе американцев и в большинстве своем не дотягивали до 30. Все носили военную форму. И, если не считать Гаса Гриссома, все они были меньше ростом, чем американцы, – достаточно миниатюрны, чтобы уместиться в сферической капсуле корабля «Восток», заменившего термоядерную боеголовку на ракете Р-7.

В отличие от американской семерки, эти шесть человек никого не ждали, а готовились к сдаче экзамена. Позже в этот же день каждому из них предстояло держать ответ перед комиссией из тех, кто занимался их подготовкой. Эта же комиссия уже оценивала их действия накануне на тренажере-имитаторе корабля «Восток». Этот тренажер, единственный в СССР, находился не в лесу, а в роскошном дореволюционном особняке в городе Жуковском в 39 км к юго-востоку от Москвы, который в документах именовался ЛИИ, или Летно-исследовательский институт имени М. М. Громова. В течение 45 минут каждый из шести мужчин под пристальным наблюдением экзаменаторов совершал предписанные процедуры в макете кабины «Востока» на втором этаже здания, которое когда-то было туберкулезным санаторием в ведении Народного комиссариата труда.

Дом же в березовом лесу, где в настоящий момент кандидаты сдавали экзамен, был первым объектом будущего строго охраняемого комплекса, предназначенного для подготовки советских космонавтов. В 1968 году он получил название Звездный Городок, но пока до этого было далеко. До переименования комплекс был известен как Зеленый городок – эдакий намек на окружавший его лесной массив. Когда 11 января 1960 года приказом командующего советскими Военно-воздушными силами главного маршала Константина Вершинина был организован новый Центр подготовки космонавтов, для его строительства был выбран Зеленый городок. Это место было очень удобным: его скрывал лес, но при этом оно располагалось недалеко от Москвы. Его отделяло всего несколько километров от крупнейшего в стране военного аэродрома Чкаловский. Кроме того, оно находилось недалеко от ОКБ-1 – секретного проектного и производственного предприятия в Калининграде, куда всего за неделю до этого экзамена был доставлен побитый «Восток» Арвида Палло и где производились пилотируемые корабли «Восток» следующего поколения.

Эти шестеро мужчин тренировались на протяжении 10 месяцев с марта 1960 года, хотя здание с аудиторией использовалось только с июня. Занятия и прежде, и сейчас проходили и в других неназванных центрах Москвы. В последующие годы многие из них переехали в Звездный Городок в специально построенные жилые дома, но в январе 1961 года они жили неподалеку от аэродрома Чкаловский – женатые вместе с семьями в скромных двухкомнатных квартирах, а неженатые – в еще более скромных холостяцких квартирах. Их жилища разительно отличались от дома Алана Шепарда в зеленом пригороде Вирджиния-Бич и вообще от всего, на что добровольно согласились бы американские астронавты и их семьи, но по советским меркам это было прекрасное жилье. При этом никто на Чкаловском за пределами узкого круга не знал, зачем эти шестеро там находятся и к чему готовятся. Об этом не знали ни их родители, ни друзья, ни бывшие сослуживцы. Даже женам не рекомендовали задавать слишком много вопросов своим мужьям. В отличие от членов Mercury 7, знаменитых на всю Америку, если не на весь мир, эти шестеро были абсолютно неизвестны широкой публике.

Существовало и еще одно отличие от семерки. В тренировках участвовали не только эти шестеро. Участников на самом деле было на 14 человек больше. В процессе отбора, который был еще более жестким, чем тот, через который прошли американские астронавты, от первоначальной группы почти из 3500 военных летчиков остались 20 человек. Советская космическая программа имела амбициозную цель – освоение космоса или хотя бы околоземной его части. Для этого требовались человеческие ресурсы. Все 20 человек начали тренировки весной 1960 года, всего через два месяца после того, как председатель Совета Министров СССР Никита Хрущев пригрозил ведущим космическим инженерам: «Дела у вас идут неважно. Скоро вас будем драть за космос. В США широко развернуты работы, и они могут нас обогнать»²⁴. К этому моменту команда Mercury 7 готовилась уже почти год. Советам нужно было быстро догнать американцев, и ответом стали эти 20 человек. Но помимо прозрачных намеков в строго контролируемой прессе и упоминаний о том, что космосу следует вскоре ждать «советских людей» в гости, все факты либо скрывались, либо намеренно искажались. Ракеты, космические корабли, конструкторы, инженеры, центры подготовки и места запусков, а также, разумеется, сами космонавты – все это оставалось за закрытыми дверями.

К осени 1960 года советская пилотируемая космическая программа стала высшей национальной целью, не в последнюю очередь потому, что в тот момент NASA вроде бы собиралось отправить американца в космос уже в декабре текущего года. Чтобы ускорить подготовку и установить приоритет пользования единственным тренажером, из первоначальной двадцатки отобрали шесть главных кандидатов. Они должны были полететь раньше остальных. По существу, это была команда премьер-лиги, которую выставляли против команды Mercury 7. В своем кругу эта группа из шести человек получила собственное название. По всей видимости, в противовес Mercury 7 ее окрестили «передовой шестеркой».

Существуют разные мнения насчет критериев отбора в передовую шестерку. Доктор Адиля Котовская, специалист по патофизиологии²⁵, отвечавшая за испытания космонавтов на центрифуге, утверждала, что кандидатов отбирали просто в зависимости от их способности переносить огромные перегрузки, аналогичные тем, что возникают при пуске ракеты, без потери сознания. Самым устойчивым к перегрузкам оказался Андриян Николаев, спокойный, плотно сбитый, хмурый холостяк. Он легко прошел на центрифуге все самые жесткие испытания.

Космонавт Алексей Леонов, который через четыре года²⁶ первым вышел в открытый космос, называет другой принцип отбора: по его словам, отбирали исключительно по весу и росту.

²⁴ Слова Хрущева воспроизведены по первоисточнику: Черток. Ракеты и люди. Кн. 2. С. 318.

²⁵ Интервью с Котовской, 2 июля 2013 года.

²⁶ Интервью с Леоновым, 5 июля 2013 года.

Поскольку для «Востока» то и другое было принципиально важно, брали только самых маленьких и легких. Сам Леонов был высоковат, чтобы пройти этот отбор. В этой группе кандидаты не должны были превышать 170 см. Самым низкорослым – всего 165 см – оказался голубоглазый бывший литейщик с открытым лицом и обаятельной улыбкой, напоминающей ту, что у Джона Гленна. В свои 26 лет он был женат, и звали его Юрий Гагарин. Он тоже вошел в передовую шестерку.

Третьим стал Григорий Нелюбов, темноволосый симпатичный летчик того же возраста, что и Гагарин. Нелюбов был одним из тех немногих в двадцатке космонавтов, кому доводилось летать на МиГ-19 – первом советском сверхзвуковом реактивном истребителе. Этот кандидат отличался молниеносной реакцией и острым умом – пожалуй, самым острым в группе космонавтов. В некоторых отношениях он очень напоминал Алана Шепарда, в том числе склонностью к заносчивости и отсутствием самокритичности, что часто отмечали инструкторы. Некоторые считали его склонным к нарциссизму, а многие недолюбливали. Мало кто верил, что именно его выберут для первого полета. Первоначально Нелюбова не отобрали в передовую шестерку, но позже он заменил в ее составе другого космонавта, Анатолия Карташова, получившего в июле 1960 года травму на центрифуге доктора Котовской. Из-за инфекционной болезни в детстве, на которую никто из врачей не обратил внимания, у него при вращении гондолы с ускорением 8 g на коже вдоль позвоночника появилось множество крохотных кровоизлияний. Космонавт Дмитрий Заикин вспоминал: «Кровеносные сосуды на его спине просто лопнули»²⁷. Карташова сняли с подготовки без права на обжалование. На его место был назначен Нелюбов.

Такие решения порой были безжалостными и бесповоротными. В том же месяце, когда произошел инцидент с Карташовым, еще один член первоначальной передовой шестерки, Валентин Варламов, наслаждался редким днем отдыха на Медвежьих озерах – цепочке неглубоких озер неподалеку от Центра подготовки. С ним был Валерий Быковский – космонавт, известный склонностью к соперничеству. Варламов вызвал Быковского на состязание – кто глубже нырнет. Быковский сразу же принял вызов, нырнул и достал головой дно. Он предостерег Варламова, но тот, нырнув, приложился о дно довольно крепко. Его сразу же отвезли в больницу, а там диагностировали смещение одного из шейных позвонков. Результат – исключение из программы без возможности обжалования. На его месте оказался Быковский.

В передовую шестерку вошли еще два человека. Павел Попович был летчиком-истребителем родом с Украины и по всем отзывам одним из самых популярных членов отряда космонавтов. Павла все любили. Его шутки были заразительны, а чувство юмора великолепно. «Он пробуждал в человеке желание жить»²⁸, – рассказывала его дочь Наталья, которой было четыре года, когда Попович сдавал экзамен на космонавта. Если попробовать подыскать ему аналог в команде Mercury 7, то им, скорее всего, стал бы Уолтер Ширра, любивший устраивать розыгрыши. Попович к тому же очень любил петь, выбирал в основном народные украинские песни и по малейшему поводу готов был затянуть своим красивым баритоном что-нибудь из услышанного в детском возрасте в маленьком городке Узин под Киевом, включая свою любимую «Ніч яка місячна»:

*Ніч яка місячна, зоряна ясна,
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, кохана, працюю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай.*

²⁷ Интервью с Заикиным, 27 апреля 2012 года.

²⁸ Интервью с Натальей Попович, 16 декабря 2019 года.

«Я тоже хотел быть первым»²⁹, – говорил Попович, но требовалось нечто большее, чем песни о любви, чтобы стать первым космонавтом СССР. Против него работало два фактора. Для начала он был украинцем, а не русским. Хотя на словах пропагандисты Советского Союза продвигали идею этнического равенства, происхождение все же было препятствием. Первым в космосе должен быть русский, хотя официально никто бы это не признал.

Второй проблемой Поповича была его жена. Марина Попович сама была блестящим пилотом; в 16 лет она решила поступить на службу в советские ВВС, в один из трех существовавших на тот момент женских авиаполков (в США подобное в то время было практически невообразимо). К 1961 году она уже три года работала летным инструктором, а позже стала одним из лучших летчиков-испытателей СССР. Марина была эффектной, красивой, умной, строптивой, иногда вспыльчивой и к тому же матерью; все вместе это складывалось в проблему. Генерал-лейтенант Николай Каманин, руководитель программы подготовки космонавтов, писал, что Попович «создает впечатление волевого человека, но ведет себя в раздорах с женой излишне мягко... Семейные неурядицы тянут его назад»³⁰. Далее Каманин загадочно добавил: «Будем принимать меры, чтобы помочь ему».

Наконец, членом шестерки был Герман Титов – человек с внешностью кинозвезды, атлет и любитель игровых видов спорта, скрипач-любитель и страстный пилот, закончивший в 1957 году с отличием авиационное училище и летавший затем на реактивных истребителях в Ленинграде. Именно там он познакомился со своей будущей женой Тамарой – официанткой в столовой аэродрома. Они поженились уже через четыре месяца. «Он был истребителем, – говорит Тамара. – Он все делал быстро»³¹. Родился Титов в Сибири и был воспитан строгим и требовательным отцом, учителем местной школы. Говорят, что отец назвал сына Германом в честь главного героя пушкинской «Пиковой дамы», и сын, похоже, в полной мере унаследовал отцовскую любовь к Пушкину. Титов всегда готов был наизусть читать большие отрывки пушкинских произведений точно так же, как Попович при любом удобном случае пел лирические украинские песни. Но привычка делать это посреди занятий вызывала раздражение со стороны выдавших виды инструкторов. Эрудиция Титова производила сильное впечатление, но она же была и его слабостью. Он казался *слишком* образованным, слишком буржуазным, слишком умным и склонным ставить правила под сомнение. Полковника Евгения Карпова, назначенного начальником ЦПК, часто сводило с ума нежелание Титова слепо подчиняться приказам, особенно приказам врачей. «Каждого из них Герман вежливо выслушивал»³², но частенько вместо выполнения советов делал все по-своему, а то и отступал от них, – рассказывал Карпов. – Когда же какой-либо врач уж слишком настаивал на своем, его это раздражало». Но при этом Карпов уважал Титова за прямоту³³ и нежелание выдумывать оправдания в тех случаях, когда у него возникали проблемы. В его рассказе это звучит постоянным рефреном: человек вспыльчивый, скептический, иногда нарушал правила, если считал их мелочными или глупыми, но также блестящий, обаятельный и талантливый. Титов также был одним из главных кандидатов на первый полет.

В многоквартирном доме в поселке Чкаловском Титовы жили через стенку от Гагарина и его жены Валентины. Два космонавта часто проводили время вместе, для чего перебирались через узкую перегородку между балконами на пятом этаже – самый быстрый, но весьма небезопасный путь из квартиры в квартиру. Их дружба еще больше окрепла во время подготовки, когда осенью 1960 года сын Титовых Игорь умер в семимесячном возрасте от порока сердца.

²⁹ Слова П. Р. Поповича в телевизионном документальном фильме о Нелюбове «Он мог быть первым» (2007).

³⁰ Цитата воспроизведена по оригинальному русскому изданию: Каманин. Скрытый космос. Кн. 1. С. 13.

³¹ Интервью с Тамарой Титовой, 3 октября 2019 года.

³² Цитата воспроизведена по первоисточнику: Петров Е. Космонавты. Записки руководителя группы. – М.: Красная звезда, 1963.

³³ Голованов. Королев. С. 630.

Юрий и Валентина, собственной дочери которых в это время был год, делали все возможное, чтобы помочь паре пережить эту потерю – такую тяжелую, что Тамара Титова даже через почти 60 лет не могла говорить о ней с автором. В 1990-е годы в одном из интервью Титов отдал должное поддержке со стороны Гагарина в то время: «Без слезливости или сентиментальности он просто держался как по-настоящему близкий и настоящий друг. Я был благодарен ему и, хотя не слишком хорошо его знал в то время, очень с ним сдружился»³⁴. К моменту сдачи экзамена в январе 1961 года дружба двух космонавтов была очень крепкой, несмотря на то что оба претендовали на единственный главный приз и соперничали друг с другом.

«Все шестеро космонавтов – отличные парни»³⁵, – записал генерал-лейтенант Николай Каманин, руководитель их подготовки, в день, когда передовая шестерка сдавала экзамен. Но никто, кроме него самого, этих слов не видел, как и слов о проблемном браке Поповича, и не увидит еще несколько десятилетий. Сам Каманин был легендарным летчиком и Героем Советского Союза. В описываемое время этому коренастому человеку с редкими волосами и пронизательными глазами шел 52-й год. На фотографиях того времени он почти не улыбается. Кое-кто из космонавтов считал его солдафоном и сталинистом старой школы. Но у этого сталиниста был свой секрет – он вел тайный дневник³⁶. Каманин делал это в нарушение всех правил и сильно рисковал. Ведение дневника, особенно на его уровне, было серьезным преступлением. Тем не менее он вел его с 1960 года до конца 1970-х годов. Записи этого дневника проливают свет на мир, который в значительной мере непроницаем для нас и по сей день, зачастую спрятан за завесой мифов, фальсификаций и теорий заговора. Каманин подобен скрытой камере в самом центре событий, хотя и не лишенной недостатков. Его наблюдения иногда искажены личными предубеждениями и обидами, но в них чувствуется подлинное уважение, а иногда и глубокая симпатия к космонавтам. Мы будем часто встречать наблюдения Каманина на страницах этой книги.

Итоговые оценки передовой шестерке были выставлены в тот же день, когда они ответили на три вопроса экзаменационного билета и на дополнительные вопросы. Все получили «отлично». Каманин тоже был в числе экзаменаторов. «Кто из этой шестерки войдет в историю как первый человек, совершивший космический полет? – написал он в тот вечер в своем тайном дневнике. – Кто первым из них, возможно, поплатится жизнью за эту дерзкую попытку?»³⁷ С одной стороны, в этих словах чувствуется уверенность в том, что СССР выиграет космическую гонку у американцев, с другой – они выдают неоднозначность предстоящего эксперимента: полет в космос вполне мог означать и гибель. «Нет еще, – продолжил Каманин в этой же записи, после перечисления всех неудач в полетах "Востоков" с собаками, – гарантии безопасной посадки».

Еще в декабре – и это дополнительная поразительная параллель с историей команды Mercury 7 – всем 20 космонавтам отряда предложили проголосовать за того, кого они считают достойным лететь первым. Большинство проголосовало за Юрия Гагарина: по одной оценке за него было 12 человек, по другой – целых 17³⁸. Но даже после экзамена руководство не определилось с решением. С учетом замысловатых и зачастую туманных правил советской политической жизни просто взять и принять такое решение было немыслимо. В Лэнгли (штат Вир-

³⁴ Burgess and Hall, *FSC*, p. 87.

³⁵ Цитата воспроизведена по оригинальному русскому изданию: Каманин. Скрытый космос. Кн. 1. С. 13.

³⁶ Асиф Сиддики сообщил следующее: дневник Каманина продолжается до конца 1970-х годов, но его официальное участие в космической программе закончилось в 1971 году. Цензурированные выдержки из дневника публиковались начиная с 1966 года (в журнале «Огонек»). Первые нецензурированные фрагменты появились в 1988 году, в эпоху гласности. Их публикация продолжалась с 1988 по 1995 год, когда вышел первый том книжного издания.

³⁷ Цитата воспроизведена по оригинальному русскому изданию: Каманин. Скрытый космос. Кн. 1. С. 13.

³⁸ Число 17 приведено в Siddiqi, *Challenge*, p. 262 (и заимствовано у Голованова); в Burgess and Hall, *FSC*, p. 138, говорится о 12 голосах.

джиния) Боб Гилрут, глава Целевой космической группы, отвечавший за проект Mercury, мог собрать семерых астронавтов в аудитории и объявить просто по праву главного, кто полетит первым. В СССР все делалось иначе. В отличие от команды Mercury 7, передовой шестерке пришлось ждать почти до самого последнего момента.

Тем временем экзаменационная комиссия «предварительно»³⁹, ничего не говоря космонавтам, составила свой рейтинг. На третьем месте в нем был Григорий Нелюбов. На втором – Герман Титов. А на первом месте оказался близкий друг и сосед Германа, победитель отрядного голосования и обладатель обаятельной улыбки – Юрий Алексеевич Гагарин.

За девять дней до этого, 9 января, командир в/ч 26266 полковник Карпов подписал служебную характеристику Гагарина – подробный медицинский и учебный отчет⁴⁰ о его состоянии перед экзаменом. Отметив прекрасное кровяное давление (110/65), тот факт, что Гагарин не курит, нечастое употребление алкоголя («переносимость хорошая») и особенно характер кожи («белая и чистая»), Карпов углубился в особенности гагаринского характера. Ключевой характеристикой было его «высокое интеллектуальное развитие». Также указывалось, что Гагарин «уравновешен в сложных условиях» – эвфемизм для обозначения ситуаций, которые во время полета в космос могли выбить из колеи менее спокойного человека. В числе определяющих черт характера Гагарина Карпов назвал оптимизм, аккуратность, самодисциплину, решительность и бесстрашие. Надо полагать, что Боб Гилрут искал в Алане Шепарде те же самые качества. Однако на этом сходство заканчивается. Потому что еще одним качеством Гагарина, которое Карпов добавил в список, был «коллективизм» (никто не связал бы это слово с кем-либо из членов Mercury 7), а завершалась характеристика твердым заверением в том, что Гагарин «идеологически устойчив, предан делу Коммунистической партии и Социалистической родине и... умеет хранить военную тайну». Иными словами, он был физически крепок, дружелюбен, умел держать язык за зубами и, по идее, не должен поддаться панике, если дело примет плохой оборот. Ну а если все пройдет хорошо, из него получится великолепный символ СССР. Короче говоря, Гагарин практически идеально подходил на роль первого космонавта. Но кем же он был на самом деле?

Юрий родился в 1934 году в деревне Клушино, представлявшей собой ряд небольших домиков вдоль единственной дороги в равнинной местности Смоленской области, в 190 км к западу от Москвы. Для этого ландшафта характерно высокое бескрайнее небо и далекие горизонты, короткое жаркое лето и долгая морозная зима. Его отец Алексей был плотником и мастером на все руки – бревенчатый дом для своей семьи он построил сам. «Отец все умел делать, – вспоминал Гагарин. – Смастерить мебель, подшить валенки, починить обувь»⁴¹. Умение играть на аккордеоне в сочетании с доходным плотницким мастерством делало его весьма завидной партией, и в 1923 году он женился на матери Гагарина Анне, более образованной девушке. Если любовь к искусной работе руками и точности Юрий унаследовал от отца, то от матери он получил и свою удивительную способность к обучению, и педантичную церемонную элегантность, которая отлично сослужила его честолюбивым устремлениям.

К моменту рождения Гагарина у его родителей уже было двое детей, сын Валентин и дочь Зоя. Четвертый ребенок, Борис, родился еще через два года, в 1936 году. Но, когда Гагарину было семь лет, его мир изменился до неузнаваемости – 22 июня 1941 года Гитлер напал на Советский Союз. Три миллиона немецких солдат пересекли советскую границу на фронте длиной 2900 км. Крупнейшая в истории группировка войск нанесла сильнейший удар и двинулась на восток с ужасающей скоростью. Советские Вооруженные силы, ошеломленные масшта-

³⁹ Акт о результатах экзамена, проведенного со слушателями-космонавтами Центра подготовки космонавтов ВВС. 25 января 1961 года.

⁴⁰ Служебная характеристика слушателя-космонавта первого отдела Центра подготовки космонавтов ВВС старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича.

⁴¹ Jenks, *The Cosmonaut Who Couldn't Stop Smiling*, p. 32.

бами и яростью удара, были опрокинуты надвигающимися германскими войсками. Клушино, деревня Гагарина, оказалась прямо на линии удара и была занята немцами 12 октября. Первое, что сделали оккупанты, это сожгли школу и перебили скот на еду. В следующие несколько дней они дотла сожгли в деревне еще 27 домов, а дом семьи Гагариных заняли под свои нужды, выгнав на улицу Алексея, Анну и их четверых детей.

Теперь мастеровитость Алексея пригодилась так, как ни ему самому, ни его семье не пришлось бы и в страшном сне. С разрешения немцев он построил на задах собственного дома землянку, в которой вся семья прожила следующие два года, включая две морозные русские зимы. Эта землянка до сих пор существует: крохотное тесное и низкое помещение с двухъярусными нарами, столом и земляным полом, обшитое такой же сосновой доской, какую Алексей использовал при строительстве своего дома. Еды вечно не хватало. У Юрия и Бориса не было возможности ходить в школу, но Анна как могла учила их сама. Старший Валентин вспоминал, как быстро Юрий превратился из смешливого малыша в тихого замкнутого ребенка. «Он стал реже улыбаться... хотя по природе был очень веселым мальчиком. Помню, он иногда плакал от боли или из-за всех тех ужасов, которые происходили вокруг... Некоторые черты Юриного характера, вернее характера будущего летчика, космонавта Юрия Гагарина... появились в то время, в дни войны»⁴².

Биографии Гагарина советской эпохи – и даже некоторые современные российские – часто оставляют за кадром не очень светлые стороны его жизни и прошлого. Слишком сильно стремление возвеличить и очистить от грехов одну из культовых фигур России. Но одно жуткое переживание военного времени, оставившее в душе Гагарина отпечаток на всю жизнь, не забывает никто. Его младшему брату Борису только что исполнилось пять, когда особенно склонный к садизму немецкий солдат по имени Альберт заподозрил мальчика в какой-то мелкой пакости и объявил ее диверсией. Он схватил Бориса, завязал у него на шее шарф, подвесил ребенка на дереве и ушел. Семилетний Юрий все это видел, бросился к брату и отчаянно попытался ослабить узел, но тот оказался слишком тугим. Он что было мочи стал звать на помощь, и Анна, выбежав из землянки, с ужасом увидела безжизненно висящего сына. Она лихорадочно высвободила мальчика. Борис был без сознания, но жив. После этого он месяц не мог ходить и часто кричал во сне. Воспоминания об этом преследовали его много лет. Если Юрий Гагарин шел вперед к мировой славе, то Борису было нелегко найти свой путь в жизни. Эпилог для него оказался трагическим: он умер в 1977 году, когда ему было всего 41. Он страдал раком желудка и однажды, не выдержав страшной боли, повесился у себя дома.

Красная армия освободила Клушино весной 1943 года, но старших детей Гагариных, Валентина и Зою, немцы угнали в рабство. Они вернулись домой больными и истощенными только после войны, когда родители уже считали их мертвыми. Юрию к этому времени исполнилось 11. «Он вырос очень быстро, – говорит дочь Гагарина Елена. – Если по телевизору показывали кино про Великую Отечественную, он всегда выходил из комнаты. Он не хотел это смотреть»⁴³. Но война подарила Гагаринову и страсть к полетам: незадолго до нацистской оккупации он видел, как рядом с деревней совершил аварийную посадку советский истребитель, а второй советский самолет приземлился неподалеку, чтобы подобрать первого летчика. Пилот второго самолета разрешил мальчику залезть в кабину и показал приборы. Юрий был заморожен. Один из летчиков дал мальчику несколько ломтиков шоколада, которыми, по уверению советских биографов Гагарина, он поделился с друзьями. Самолет улетел, но у мальчишки осталось намного больше, чем шоколад, – мечта стать летчиком.

⁴² Doran and Bizony, *Starman*, 13; цитата частично сверена с первоисточником: Гагарин В. А. Мой брат Юрий. – Минск: Юнацтва, 1988.

⁴³ Интервью с Е. Ю. Гагариной, 28 сентября 2019 года.

После войны плотницкое мастерство Алексея Гагарина пользовалось огромным спросом. Он перевез семью в сильно пострадавший соседний городок Гжатск, где работы было более чем достаточно. Вместе со скарбом Алексей перевез и свой дом: разобрал его в Клушино и перевез бревно за бревном на телеге, запряженной лошадью, за 25 км в Гжатск, а там снова собрал. После школы юный Гагарин отправился изучать литейное дело в техническое училище в Саратове – городе на Волге в 800 км к югу от Москвы. Закалка и привычка во всем полагаться на себя, приобретенные во время войны, теперь сочетались в нем с неистощимой энергией и целеустремленностью. Юноша изучал все, что училище могло ему предложить: в его библиотечном формуляре значится более пяти сотен книг. Он играл на трубе, увлекся фотографией, участвовал во множестве постановок, включая популярную музыкальную пьесу «Великие стройки коммунизма»⁴⁴.

Помимо всего этого, Юрий находил время для занятий чуть ли не всеми видами спорта, доступными в училище, включая лыжи, гимнастику и баскетбол, в команде по которому он был капитаном, хотя и не отличался большим ростом. Он ухаживал за девушками и читал доклады в клубе любителей физики; один из них был посвящен русскому ученому и мечтателю Константину Циолковскому, работы которого рассказывали о будущих космических путешествиях и, если верить надиктованной Гагариным автобиографии «Дорога к звездам», заразили его «новой болезнью, которой нет названия в медицине, – неудержимой тягой в космос»⁴⁵.

Параллельно Юрий учился летать. Ребенком после войны он вступил в пионеры – сделал первый шаг на пути к членству в Коммунистической партии, и его мать Анна часто вспоминала, с какой гордостью он носил свою идеально отглаженную пионерскую форму и красный галстук. В Саратове хорошая характеристика открыла перед ним возможность поступить в местный аэроклуб ДОСААФ. «Небо любит до безумия, – говорил его инструктор. – И вообще старательный хлопец, трудолюбивый, весельчак»⁴⁶. Хвалили его и за аккуратность – еще одно полезное качество. И здесь тоже мы видим его почти сверхъестественную способность выделяться из толпы: фотография Гагарина в кабине самолета, сделанная в день первого самостоятельного вылета, появилась на первой полосе газеты «Молодой сталинец» под заголовком «Летать выше, дальше, быстрее!». Настоящий подарок для будущих советских биографов, правда вскоре Сталин был официально развенчан, так что этот факт никогда не упоминался.

Карьера военного летчика манила. Окончив техникум с предсказуемыми высшими оценками по 31 из 32 предметов, Гагарин получил право преподавать как специалист-плавильщик в Томске. Однако он, что неудивительно, предпочел вместо этого учебу на пилота скоростных реактивных самолетов. Он летал на МиГ-15 за полярным кругом, когда летом и осенью 1959 года проводился первоначальный закрытый отбор летчиков для пилотируемой космической программы СССР. Гагарин, естественно, прошел его. Заразительное жизнелюбие, способность производить приятное впечатление, интеллект и лидерские навыки, безупречный внешний вид и военная пунктуальность, крестьянское происхождение и даже внешность – все это помогло Гагарину открыть дверь в космос, как прежде, с послевоенных времен, помогало открывать вообще все двери. В другом человеке сочетание этих качеств вполне могло производить отталкивающее впечатление, но Гагарин обладал настоящим талантом приобретать друзей. Может быть, все дело было в его чувстве юмора, которое отмечали еще летные инструкторы, или в заразительной улыбке. А может быть, причина лежала глубже и заключалась в том, чему завидовал его друг и соперник Герман Титов, когда говорил, что Гагарин «мог догово-

⁴⁴ Jenks, *Cosmonaut*, p. 56. Согласно Jenks, p. 55, одна из первых работ Гагарина называлась «Классовая борьба в деревне и коллективизация».

⁴⁵ Цитата воспроизведена по оригинальному русскому изданию: Гагарин. Дорога в космос. С. 33.

⁴⁶ Цитата воспроизведена по первоисточнику: Зверев Ю. Юрий Гагарин и Саратовская земля. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1981.

риться с кем угодно... в любой ситуации способен был найти ключик к человеку»⁴⁷. Теперь невысказанный вопрос заключался в том, удастся ли ему так же найти ключ к бессмертию.

⁴⁷ Интервью Г. С. Титова сериалу BBC/CNN «Холодная война» (1998), King's College, London.

4

Инаугурация

20 ЯНВАРЯ 1961 ГОДА

Капитолий, Вашингтон

На следующий день после пока что сохраненного в секрете назначения Алан Шепард и его жена Луиза, не испугавшись снегопада и дорожных пробок, отправились посмотреть, как президент Кеннеди будет приносить присягу. Когда в 12:50 новый президент поднялся на трибуну в недавно расширенном восточном крыле Капитолия, ночная метель давно прекратилась и на чистом голубом небе ярко сияло солнце. Окрестности Капитолия покрывал снег, но всё, как позже написал Хью Сайди из журнала *Time*, «дышало свежестью и новыми надеждами»⁴⁸. По оценкам, около миллиона зрителей вместе с Шепардами наблюдали, как председатель Верховного суда США Эрл Уоррен принимает присягу. Еще 80 млн американцев смотрели церемонию по телевизору – впервые инаугурацию показывали в прямом эфире и к тому же, для счастливых обладателей соответствующих телевизоров, в цвете. Несмотря на холод, Кеннеди был без шляпы и пальто, в отличие от 70-летнего Эйзенхауэра, который надел пальто и толстый белый шарф. За несколько минут до церемонии возникла легкая суматоха: во время инаугурационной молитвы, которую проводил архиепископ Бостонский кардинал Ричард Кушинг, из-под трибуны вдруг пошел дым. Позже кардинал утверждал, что намеренно затянул молитву – она продолжалась целых 12 минут, – чтобы в случае чего заслонить президента своим телом от взрыва. В свете убийства Кеннеди в ноябре 1963 года этот момент вызывает определенные ассоциации, но тогда какой-то электрик нырнул под трибуну, выдернул пару проводов, и дым прекратился. Президент начал говорить:

Пусть каждое государство, желает ли оно нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем все трудности, преодолеем любые испытания, поддержим своих друзей и остановим врагов ради спасения и укрепления свободы⁴⁹.

Его выступление длилось всего на пару минут больше, чем молитва кардинала, но даже сегодня, спустя 60 лет, заключительное обращение президента к соотечественникам-американцам – «Не спрашивайте, что может сделать для вас Америка, спросите, что вы можете сделать для своей страны» – звучит очень актуально. Но слова Кеннеди несли также яркий призыв к защите свободы «в час наивысшей опасности для нее». Не называя явно СССР, он предлагал переговоры во имя мира во всем мире, но это предложение подразумевало применение силы в случае, если «недруг» Америки не согласится на него. В этот момент Сайди не мог не взглянуть на советского посла Михаила Меншикова, находившегося, как положено, на трибунах возле президента. Тот невозмутимо сидел, надвинув шляпу на лоб и сложив перед собой руки в перчатках.

Мир, в котором Кеннеди стал президентом в тот холодный и ясный январский день 1961 года, был, по мнению многих, опаснее любого периода в прошлом. Во время избирательной кампании Кеннеди активно выступал за уменьшение так называемого отставания по ракетам⁵⁰ от СССР – отставания, которого на самом деле не было, хотя миф о его существовании и помог ему выиграть выборы⁵¹. Но само наличие арсеналов ядерных боезарядов и средств их

⁴⁸ Sidey, *John F. Kennedy*, p. 46.

⁴⁹ Стенограмма и видео инаугурационной речи в Президентской библиотеке Джона Ф. Кеннеди (www.jfklibrary.org).

⁵⁰ Logsdon, *John F. Kennedy*, p. 12–13.

⁵¹ В книге Brinkley, *American Moonshot*, p. 166, утверждается, что Кеннеди использовал в ходе своей кампании «отставание

доставки в сочетании с порождаемыми ими страхами создавало в стране почти перманентную атмосферу тревоги, ослабить которую не могли ни регулярные учения по действиям в случае ядерного нападения⁵², ни мультики, в которых симпатичная черепашка по имени Берт показывала маленьким американским мальчикам и девочкам, что делать при взрыве бомбы, в сотни раз мощнее сброшенной на Хиросиму.

Противостоящий Кеннеди советский премьер Никита Хрущев, первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, был силой, с которой следовало считаться. Он доказывал это не единожды, взять хотя бы отправку в 1956 году танков на подавление попытки Венгрии освободиться от советского ярма и организацию последующей расправы над лидером этой страны⁵³. Маленький и тучный, громкоголосый и склонный к внезапным, но четко нацеленным вспышкам ярости, во время которых он, бывало, грозил кому-нибудь кулаком, Хрущев был способен на самые дикие выходки. Он мог заявить западным послам на дипломатическом приеме, что всех их «похоронит»⁵⁴, или радостно похвастаться, что его страна печет ядерные ракеты «как сосиски»⁵⁵, даже если на самом деле это было не так. Или – в памятном октябре 1960 года – снять ботинок и стучать им по столу на Генеральной Ассамблее ООН⁵⁶, чтобы прервать какого-то делегата, который в этот момент говорил что-то недоброе о Советском Союзе. До сего дня не утихают споры о том, действительно ли он стучал ботинком (хотя его переводчик, который при этом присутствовал, утверждал, что стучал, причем с такой силой, что сломал наручные часы). Как бы то ни было, факты здесь не имеют значения. Важна легенда, особенно если она способна заставить противников лишний раз задуматься.

Очередной шедевр красноречия Хрущева прозвучал 6 января, на следующий день после того, как Бушует представил новый график советского пилотируемого космического полета, и всего за две недели до инаугурации Кеннеди. Говоря о «сдерживании империалистических авантюристов»⁵⁷, Хрущев явно хотел сделать предупреждение новому президенту. «В мире нет теперь силы, – заявил он, – которая могла бы преградить движение к социализму народов все новых стран». Поскольку реальность «горячей» войны подразумевала, так или иначе, гибель всего мира, альтернативной стратегией для обеих сторон в «холодном» варианте стало распространение своего влияния и идеологии на те части земного шара, где нарастала нестабильность. А к январю 1961 года было из чего выбирать: в Конго раскручивался маховик гражданской войны, к которой приложили руку и Советы, и Америка; в Лаосе, стране без выхода к морю в Юго-Восточной Азии, рядом с Вьетнамом, ЦРУ занималось созданием марионеточ-

по ракетам» как «визитную карточку», хотя «проблема... оказалась фикцией». См. также в *National Intelligence Estimate Number 11-5-61* (April 25, 1961) довольно точную оценку ЦРУ количества советских ракет в то время и их возможностей. Также см. Greg Thielmann 'The Missile Gap Myth and its Progeny', Arms Control Association, <https://www.armscontrol.org/act/2011-05/missile-gap-myth-its-progeny>.

⁵² A Civil Defense film (1952) режиссер Энтони Риццо.

⁵³ Подробно описано в David Pryce-Jones 'What the Hungarians Wrought: The Meaning of October 1956' *National Review* October 23, 2006.

⁵⁴ Хрущев сказал это 18 ноября 1956 года на приеме в польском посольстве в Москве: «Хотите вы или нет, история на нашей стороне. Мы вас похороним!» (*Time*, November 26, 1956). Документ ЦРУ от 7 февраля 1962 года, разрешенный к публикации 22 января 2002 года, ставит вопрос о том, действительно ли Хрущев произнес эти слова: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP73B00296R000200040087-1.pdf>.

⁵⁵ Thielmann 'The Missile Gap Myth and its Progeny'.

⁵⁶ Как утверждается, это произошло на 902-м пленарном заседании ООН, 12 октября 1960 года. В одном варианте изложения Хрущев выразил так свой протест против речи делегата от Филиппин с нападками на Советский Союз. Сын Хрущева Сергей также описывает этот инцидент в книге «Никита Хрущев: кризисы и ракеты», но у него фигурирует делегат от Испании. Фотографии данного эпизода почти наверняка являются фальшивками, и весьма вероятно, что стучания ботинком не было вообще. Как и во многих других колоритных историях, связанных с Хрущевым, граница между реальностью и мифом временами размыта.

⁵⁷ Цитата воспроизведена по первоисточнику: Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения // Коммунист. 1961. № 1. С. 3–37.

ного правительства, а Советы активно поставляли оружие сражающимся с ним партизанам; на Кубе, лидера которой, революционера-социалиста Фиделя Кастро, Советы активно обхаживали; наконец, в Берлине – городе, разделенном идеологией, а потом и стеной, который Хрущев в одной из своих выразительных тирад назвал «мошонкой Запада»⁵⁸. «Каждый раз, когда я хочу, чтобы Запад завопил, – добавил он, – я нажимаю на Берлин».

Существовала, однако, еще одна принципиальная сфера конкуренции двух сверхдержав, причем такая, за которую остро переживали многие американцы, – ведь она со всей очевидностью отражала дух нового десятилетия и новые технические возможности. Этой сферой был космос.

В Америке 1950-х и начала 1960-х космос был повсюду – в высокобюджетных голливудских блокбастерах и малобюджетных фильмах категории «Б», в бесчисленных телешоу и научно-фантастических книгах, в журналах вроде *Collier's*, *Astounding* и *Galaxy*, в тысячах детских игрушек и в автомобилях с тюнингом в виде крыльев ракет. Достаточно вспомнить телесериалы «Театр научной фантастики» и «Сумеречная зона», комиксы про Бака Роджерса и Флэша Гордона, фильмы «Вторжение инопланетян», «Пожиратели мозгов» и «Я вышла замуж за монстра из космоса», книги Артура Кларка, Роберта Хайнлайна, Рэя Брэдбери и Айзека Азимова. Они нередко рисовали апокалиптические картины, где инопланетяне, в образе которых угадывались злобные коммунисты, нападают на Землю, похищают добропорядочных американцев, промывают им мозги, а то и вообще съедают их. Космос был интересен, современен, *крут и открывал* новое поле битвы.

Вице-президент Линдон Джонсон, который принес присягу за несколько минут до Кеннеди, прекрасно все это понимал, когда сказал однажды, что «контроль над космосом означает контроль над миром». Но для Джонсона, возглавлявшего прежде сенатский комитет по авиации и космическим наукам, контроль над космосом был не только военным вопросом, связанным со шпионскими спутниками и экзотическими видами оружия, но и вопросом идеологии, идейной битвы между двумя противостоящими системами, наборами ценностей и образами жизни. В январе 1961 года, когда гонка за отправку в космос первого человека по всем признакам вышла на финишную прямую и до определения победителя оставалось от силы пара месяцев, для многих это было крупное, если не главное, поле битвы двух сверхдержав. Хрущев определенно думал именно так. «Он понимал, – вспоминал Борис Черток, видный советский инженер-ракетчик, – что космические победы могут быть важнее в политике, чем размахивание ядерной дубинкой»⁵⁹. В то время космическая гонка была везде, она буквально наполняла эфир. Говоря словами самого Хрущева, ее победитель доказал бы миру, что история на его стороне.

И все же в первом обращении к 80 млн сограждан и ко всему остальному миру новый президент США почти не упоминал о космосе.

Этот человек ассоциируется сегодня в памяти людей, пожалуй, с тем, что он был убит, а также с дерзкой и страстной увлеченностью идеей отправки американского гражданина на Луну, поэтому весьма странно видеть в его инаугурационной речи всего одно короткое упоминание о космосе. Уже ближе к концу речи, после призыва к «обеим сторонам» согласиться на инспекции и контроль ядерных вооружений, президент предложил объединить усилия в «исследовании звезд», наряду с совместным освоением пустынь, ликвидацией болезней, изучением океанских глубин и развитием гуманитарных наук и торговли. Список по любым стандартам довольно длинный, да к тому же сдобренный кучей банальностей. В общем, те три слова, что представляли космический аспект в обращении президента, вряд ли заставили чьи-то сердца биться чаще, если их вообще заметили. Это совсем не похоже на Кеннеди, который

⁵⁸ Jenks, *Cosmonaut*, p. 127.

⁵⁹ Chertok in BBC, *Cold War*, episode 9.

всего четыре месяца спустя, в мае, просил Божьего благословения на полет к Луне до конца текущего десятилетия, на «самое рискованное, опасное и великое приключение, в которое когда-либо пускался человек», и призвал выделить на это \$20 млрд из средств налогоплательщиков (что соответствует примерно \$174 млрд по курсу 2021 года⁶⁰), а возможно, и гораздо больше.

Во время избирательной кампании Кеннеди часто удавалось набирать очки в борьбе с его оппонентом Ричардом Никсоном на отставании Америки в космической гонке и на так называемом, хотя и не существовавшем в реальности, отставании в ракетно-ядерном вооружении. Как-то в ходе теледебатов он даже сказал, что не хочет «однажды поднять голову и увидеть советский флаг на Луне»⁶¹. Такое поведение хорошо действовало на определенную часть американской публики. Возможно, Кеннеди и правда верил в собственную риторику. Однако есть свидетельства, что на самом деле не слишком верил, и это не только его инаугурационная речь.

За 10 дней до инаугурации, 10 января, Кеннеди встретился со своим избранным вице-президентом Линдоном Джонсоном и Джеромом Визнером, 45-летним профессором электротехники в Массачусетском технологическом институте, работавшим когда-то над радиолокационными системами и электронными компонентами для ядерного оружия. Кеннеди познакомился с Визнером во время президентской кампании, когда ему нужен был консультант по контролю над ядерными вооружениями и запрету испытаний. Визнер, похоже, произвел на Кеннеди сильное впечатление – настолько, что позже избранный президент поручил профессору организовать группу для изучения положения США в космосе. Встреча в офисе Джонсона была организована, чтобы выслушать отчет Визнера по этому вопросу.

То, что сообщил эксперт, не порадовало Кеннеди. Признавая, что доклад его составлен наспех, Визнер считал тем не менее своим долгом раскритиковать практически все аспекты космической программы Америки, и в первую очередь ее пилотируемую часть, проект Mercury. Дойдя, по его словам, до «серьезных проблем NASA»⁶², он охарактеризовал проект Mercury как «чрезвычайную программу», причем откровенно «рискованную», которую нельзя «оправдать, если руководствоваться только научными и техническими соображениями». В целом он усомнился в том, что пилотируемый космический полет должен иметь высший национальный приоритет:

⁶⁰ Эта величина является очень приблизительной – она основана на данных Бюро трудовой статистики по индексу потребительских цен и средней инфляции с 1961 года, см.: <https://www.in2013dollars.com/us/inflation/1961?amount=100>. Такой же коэффициент пересчета применен ко всем суммам в долларах США.

⁶¹ Brinkley, *American Moonshot*, p. 204.

⁶² Logsdon, *John F. Kennedy*, p. 32–35. Отличная характеристика Визнера была приведена в *Aviation Week*, January 16, 1961.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.